

Научное издание

ВЕСТНИК

Луганского государственного
педагогического университета

Серия 3

Филологические науки
Медиакоммуникации

№3(103)
2023

№3(103) • 2023 ВЕСТНИК ЛУГАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

КНИТА

Издатель ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
«Книга»

ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 291011, т/ф 8-857-258-03-20

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЛУГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

Луганского
государственного
педагогического университета

Серия 3

Филологические науки. Медиакоммуникации
№ 3(103) • 2023

Сборник научных трудов

Луганск
2023

УДК 08:378.4(477.61)ЛГПУ:[80+070(062.552)]
ББК 95.4я43+80я5+76я5
В 38

Учредитель и издатель
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»

Основан в 2015 г.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
№ ПИ 000196 от 22 июня 2021 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор

Синельникова Л. Н. – доктор филологических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Ротерс Т. Т. – доктор педагогических наук, профессор

Выпускающий редактор

Калинина Г. Г. – заведующий редакционно-издательским отделом

Редактор серии

Новикова А. А. – кандидат филологических наук, доцент

Состав редакционной коллегии серии:

Дяговец И. И.	– доктор филологических наук, профессор
Иванов Е. Е.	– кандидат филологических наук, доцент
Калинкин В. М.	– доктор филологических наук, профессор
Колесникова С. М.	– доктор филологических наук, профессор
Кораблев А. А.	– доктор филологических наук, профессор
Кочетова С. А.	– доктор филологических наук, профессор
Кушнерук С. Л.	– доктор филологических наук, профессор
Ломакина О. В.	– доктор филологических наук, профессор
Марфина Ж. В.	– кандидат филологических наук, доцент
Озерова Е. Г.	– доктор филологических наук, профессор
Просянкина О. И.	– доктор филологических наук, доцент
Соболева И. А.	– кандидат филологических наук, профессор
Супрун В. И.	– доктор филологических наук, профессор
Теркулов В. И.	– доктор филологических наук, профессор
Шулежкова С. Г.	– доктор филологических наук, профессор

Вестник Луганского государственного педагогического университета :
В38 сб. науч. тр. Сер. 3, Филологические науки. Медиакоммуникации.
№ 3(103) / гл. ред. Л. Н. Синельникова ; вып. ред. Г. Г. Калинина ; ред. сер.
А. А. Новикова ; ФГБОУ ВО «ЛГПУ». – Луганск : Книта, 2023. – 92 с.

Настоящий сборник содержит оригинальные материалы ученых различных отраслей наук и групп специальностей, а также результаты исследований научных учреждений и учебных заведений, обладающие научной новизной, представляющие собой результаты проводимых или завершенных исследований теоретического или научно-практического характера.

Адресуется ученым-исследователям, докторантам, аспирантам, соискателям, педагогическим работникам, студентам и всем, интересующимся проблемами филологических наук и медиакоммуникаций.

*Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий
(приказ МОН ДНР № 370 от 27 мая 2022 г.; приказ МОН ЛНР № 911-ОД от 10 октября 2018 г.
(с изменениями от 14.04.2022 г.). Включено в РИНЦ*

*Печатается по решению Ученого совета Луганского государственного
педагогического университета (протокол № 4 от 27 октября 2023 г.)*

УДК 08:378.4(477.61)ЛГПУ:[80+070(062.552)]
ББК 95.4я43+80я5+76я5

© Коллектив авторов, 2023
© ФГБОУ ВО «ЛГПУ», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

КОРПУСНАЯ И КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Петрова И. М. Исследование когнитивных механизмов синтаксиса естественного языка посредством поисковых систем Интернета.....	4
---	---

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Дорофеева В. С. Образы лисы, змеи, черепахи и муравья в китайской и русской лингвокультуре (на материале русских и китайских фразеологических единиц).....	10
Некрутенко Е. Б., Зайцева А. Ю. Лингвостилистические особенности выступлений Д. Трампа.....	15
Нехаева Е. А. Особенности функционирования зоонимов в пословицах турецкого языка.....	23
Пантыкина Н. И. Интертекстуальность в художественном тексте: теоретический аспект.....	28

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Бондаренко К. А. Эстетика мрачности в творчестве Дж. Брома.....	33
Дворцова А. Н. Попаданство как источник интертекстуальности в романах Евгении Сафоновой (на материале романов цикла «Мир Тофрахеим»).....	38
Коробко К. В. Интерпретация архетипа матери в творчестве Мо Яня....	43
Новикова А. А. Библейские интертекстуальные включения в романе Ч. Диккенса «Домби и сын» в контексте декодирования.....	49

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Дволучанская В. А., Манекина Е. А. Цели и задачи обучения иностранному языку в соответствии с ФГОС.....	55
Харченко Л. И., Колесникова Л. А. Историко-концептуальный анализ становления личностно ориентированного подхода к обучению будущих учителей иностранного языка.....	60

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Каткова В. П. К вопросу перевода китайских фразеологизмов чэньюй (成语 [chéngyǔ]): сопоставительный аспект.....	67
Фомина С. Б. Языковые особенности и способы перевода антропонимов в текстах СМИ.....	72

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

Дроздова А. В. «Нескучные новости»: о тактиках информирования в эпоху глобального военно-политического противостояния.....	79
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	83
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	85

КОРПУСНАЯ И КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК [811'367:001.891]:004.775

Петрова Инна Михайловна,
д-р филол. наук, доцент,
профессор кафедры английского языка
и лингводидактики ГАОУ ВО «МГПУ»
miinna@yandex.ru

Исследование когнитивных механизмов синтаксиса естественного языка посредством поисковых систем Интернета

В статье рассматривается перспектива использования поисковых систем Интернета в процессе лингвистических исследований, основанных на корпусной и когнитивной лингвистике. Анализируя данную тему, автор обосновывает правомерность использования поисковой системы в контексте изучения синтаксиса естественного языка и отмечает наличие параллели между отдельными когнитивными процессами человека и механизмами работы поисковых систем.

Ключевые слова: когнитивные механизмы, поисковая система, исследование синтаксиса.

Современные поисковые системы представляют собой мощный инструмент, который широко используется в разных сферах научных исследований, поскольку они позволяют проводить поиск и анализ большого объема информации, что, в свою очередь, делает их незаменимым инструментом в лингвистике. Современные лингвисты все чаще обращаются к возможностям этого технологического инструментария в своих исследованиях. Так, например, вместе с разработкой электронных библиотек и корпусов текстов сами поисковые системы стали неотъемлемой частью этого инструментария. Уже с 2001 года и до настоящего времени активно продолжается использование поисковых систем в качестве варианта корпуса текстов [7; 8; 9; 10; 11 и др.]. Отечественные лингвисты также активно занимаются разработкой и применением данного направления [1; 3; 5; 12; 13 и др.].

Использование поисковых систем как инструмента для лингвистического исследования обусловлено принципами и механизмами работы этих систем. Особенностью данных принципов и механизмов является то, что информация об объектах внешнего мира кодируется и преобразуется в данные посредством ее преломления через компьютерную семантику и синтаксис. Поскольку семантическая система поисковой базы основывается на механизмах анализа подобных когнитивных механизмов человека, то, анализируя большой объем данных, она выдает результат, который опосредованно можно отнести к результату, полученному в ходе когнитивных действий человека. Изучая функционирование поисковой системы, исследователи получают более глубокое понимание особенностей когнитивных процессов человека.

Каким образом работают эти когнитивные механизмы в рамках поисковой системы? Одной из ключевых составляющих являются информационно-поисковые языки (ИПЯ), которые отличаются не только структурой, но и функциями. Например, иерархические ИПЯ используются для классификации от общего к частному, как, например, в случае универсальной десятичной классификации (УДК). Алфавитно-предметные ИПЯ представляют собой алфавитный список ключевых слов в документе с пометами. Они активно применяются для создания разнообразных указателей, каталогов и картотек, а также для упорядочения информации.

Другой тип языков, известный как дескрипторные языки, используется для индексации и выражения поисковых запросов. Эти языки широко применяются в современных информационно-поисковых системах, включая множество поисковых движков Интернета. Различные языки, используемые для описания информации о реальных объектах, можно рассматривать как разные уровни языка, такие как морфология, синтаксис и т. д., которые кодируют определенные аспекты речи. Язык поисковой системы, в отличие от естественного языка человека, имеет свои особенности и ограничения. Вместо того, чтобы использовать полный спектр грамматических правил и семантических значений, поисковая система ориентируется на ключевые слова и фразы.

Алгоритм работы информационной поисковой системы (ИПС) основан на аналитико-синтетической процедуре, которая имеет сходство с когнитивными функциями человека. При введении документа в базу данных ИПС происходит его индексирование, что приводит к первичной маркировке информации в когнитивном пространстве. Этот процесс также включает определение и выборку ключевых слов из обрабатываемых документов, а затем их формальное выражение в виде поискового образа. В результате база данных ИПС содержит множество индексных поисковых образов, аналогичных квантам информации, которые хранятся в памяти человека. При поиске происходит сопоставление запроса, указанного пользователем, с поисковым образом, который хранится в индексе.

Как известно, автоматизированные системы обладают невероятной скоростью, однако вопрос о скорости и сложности операций в когнитивном поле человека до сих пор остается неразрешенным, что представляет обширную область интереса для исследователей различных областей. Особую роль в этом играют поисковые тезаурусы, которые являются специальными словарями для информационного поиска в массивах естественно-языковых документов, организованных по принципу сопоставления слов с их понятиями. Подобные словари можно сравнить с лексической базой, формирующейся у человека в процессе его жизнедеятельности. Структура поисковых тезаурусов и их разработка часто подвергаются стандартизации в поисковых системах (см., напр., ГОСТ 7.25–2001).

Подобного рода дескриптивный словарь используется в качестве инструмента лексического контроля, например, для устранения омонимии и синонимии при индексации документов и запросов. При индексации все синонимы запроса и поискового образа представляются одной и той же лексической единицей – дескриптором (например, *языкознание – наука о языке, языковедение, лингвистика*). Это указывает на то, что механизм работы

поисковой системы и когнитивной системы человека имеют много общего. Как можно использовать эти знания при проведении лингвистических исследований? Наиболее эффективным способом использования инструментария поисковых систем является обращение к корпусной природе данных ресурсов [2; 6].

Один из инструментов, используемых в современных лингвистических исследованиях, представлен *Google* – поисковой системой, результаты работы которой можно сравнить с интернет-каталогом, отобранным с помощью рейтинговой системы на основе алгоритмов. Алгоритм поиска может быть описан как *нахождение элемента с заданными свойствами среди списка элементов*. Характеристики информационного поиска, важные для обоснованности и надежности данных *Google*, включают следующие:

1. Релевантность – свойство смыслового соответствия между документом и информационным запросом. Документ, который в целом соответствует смысловому содержанию информационного запроса, называется релевантным.

2. Полнота поиска – отношение количества выданных релевантных документов к общему числу релевантных документов, содержащихся в базе информационно-поисковой системы.

3. Точность поиска – количество выданных системой релевантных документов к общему числу документов в выдаче.

Для управления и использования гибкого поиска в языке поисковых запросов используются операторы – символы и команды, позволяющие настраивать условия поиска запроса. Язык запросов и значения операторов можно изучить, задав поиск в браузере поисковой системы.

Что отражает результат поиска с оператором? Например, оператор «N» фиксирует порядок слов, и слова идут именно в этом порядке: *мечты и реальность*. В результате запрос выдает 131,000 результатов, в которых именно такой порядок следования компонентов данного фразеологизма, изменения порядка следования компонентов фразы выдает другие данные, например, *реальность и мечты* – 35,900 вхождений фразы в тексты различного рода. Данная информация может представлять интерес в контексте синтаксических исследований, в частности, вариативности фразы или структуры предложения [4; 13].

Комбинирование операторов позволяет максимально гибко настроить поиск. Вхождение ключевого слова – это органично вписанный в текст поисковый запрос. Рассмотрим примеры ключевого вхождения слова. Отметим, что такие вхождения могут быть прямые и разбавочные. Представленные в работе примеры получены с помощью фильтра *Google Books*, который позволяет получить прямые и разбавочные вхождения ключевых фраз в текстах художественных произведений.

Примеры прямого вхождения фразы в русскоязычном материале: *Вся жизнь моя – реальность и мечты. Вот долгая дорога до работы. Компьютер, встречи, телефон, заботы... И голос, взгляд, походка, запах... Ты! Вечер. Засыпает дом. На кухне Холодильник заурчал. Полумрак.* (Нина Острун, 2022) и англоязычном *Vision is the balance between reality and dreams. Dreams are imaginations never carried out, ideas never materialized.* (Daudi Ajani ya Azibo, 1996). В этих примерах порядок следования биномов, выделенных жирным шрифтом, строго соответствует заданному поисковому запросу.

Примером разбавочного вхождения фразы может служить следующее предложение: *Our life is twofold. Sleep hath its own world. A boundary between the things misnamed Death and existence: Sleep hath its own world, And a wide realm of wild reality, And dreams Dreams and Dreaming as Transitional Phenomena* (Simon A. Grolnick, Leonard Barkin, Werner Muensterberger, 1978), поскольку бинарная единица семантически расчленена, что показано запятой.

Таким образом, логика роботов-поисковиков ориентирована на формальное прямое вхождение, которое на 100% соответствует пользовательскому запросу, а значит и вся страница релевантнее. Для поисковых роботов разница между прямым и разбавочным вхождением ключевого слова не очевидна. Слова в ключевых фразах могут быть заменены синонимами, роботы-поисковики также учитывают эти вхождения. По результатам поискового запроса конкретной фразы, оформленной определенным оператором, пользователь получает данные о количестве вхождений фразы.

Что эта информация дает исследователю синтаксиса естественного языка? Количество вхождений в поисковой системе отражает релевантность сайта запросу пользователя, если не включены дополнительные фильтры, например, регион, формат текста, временной период и пр. Очевидно, что представление информации по результатам запроса будет отражать некий аспект общей системы знаний через призму компьютерной семантики и синтаксиса. В данном ключе перспективным представляется исследование когнитивных процессов концептуализации, обусловленных культурным фоном пользователей Интернета [4]. Например, анализ поисковых запросов рассмотренного выше биннома, представленный в Табл. 1, свидетельствует об особенностях акцентирования внимания носителей разных языков на разных аспектах действительности.

Таблица 1

Вариативность бинарной структуры в разных языках

Язык	Фраза 1	Количество вхождений в Google	Фраза 2	Количество вхождений в Google
русский	<i>мечты и реальность</i>	131,000	<i>реальность и мечты</i>	35,900
английский	<i>dreams and reality</i>	1,690,000	<i>reality and dreams</i>	993,000
немецкий	<i>Träume und Realität</i>	63,500	<i>Realität und Träume</i>	19,300
китайский	梦想与现实	662,000	现实与梦想	1,130,000
японский	夢と現実	423,000	現実と夢	164,000

Дата запроса в Google: 11.10.2023.

Результат проведенного лингвистического эксперимента с вариативностью бинарной фразы *мечты и реальность / реальность и мечты* показал, что для европейских языков доминирующим концептом в паре выступает лексема *мечты*, поскольку показатели вхождений Фразы 1 на порядок превышают показатели Фразы 2 в русском, английском и немецком языках, тогда как

показатели в китайском языке демонстрируют обратное, а именно: приоритет отдается концепту *реальность*. Данные по японскому языку согласуются с показателями европейских языков. Таким образом, статистический анализ синтаксической вариативности бинарной единицы по данным поисковой системы *Google* может выступать материалом изучения не только бинарных словосочетаний, но и рассматриваться в контексте исследований механизмов когнитивного фокусирования на определенных аспектах реальности.

Итак, подводя итог, необходимо отметить, что компьютерная семантика и синтаксис являются неотъемлемыми компонентами искусственного интеллекта и тесно связаны с интеллектуальной системой индивида. В свою очередь, изучение семантических и синтаксических аспектов языка через призму языка поисковой системы и естественного языка человека позволяет непосредственно исследовать когнитивные процессы. Важно отметить, что релевантные концепты, реализуемые с помощью вариативности синтаксических структур, могут быть выделены и проанализированы при помощи интеллектуальных систем робота-поисковика. Весьма значимыми являются результаты исследований в области компьютерной семантики и синтаксиса. Они позволяют получить непосредственное представление о когнитивных процессах, происходящих в человеческом мышлении. Это дает возможность лучше понять и анализировать языковые концепты и их взаимосвязь с интеллектуальными системами. Таким образом, изучение языка поисковой системы и естественного языка человека в контексте компьютерной семантики и синтаксиса является важной задачей, которая помогает раскрыть сложные когнитивные процессы.

Список литературы

1. **Квашина, О. С.** Использование Google как системы поиска языковых данных в веб-корпусе: обучение англоязычной письменной речи / О. С. Квашина // *Alma mater*. – 2017. – № 6. – С. 106–109.
2. **Методология современных семантических исследований в развитии и перспективе** : кол. моногр. : памяти Ольги Николаевны Селивёрстовой / [И. Б. Бойкова, А. М. Иванова, А. Ю. Гордиенко и др. ; отв. ред.: О. А. Сулейманова и др.] ; Ин-т языкознания, РАН, Моск. городской пед. ун-т. – М. : ФЛИНТА, 2018. – 304 с.
3. **Мордовин, А. Ю.** «Веб как корпус» или «корпус как веб»: новая реальность корпусной лингвистики / А. Ю. Мордовин // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер. «Языкознание и литературоведение»*. – 2015. – Вып. 3(714) : Когнитивные аспекты языка и речи. – С. 163–172.
4. **Петрова, И. М.** Механизм когнитивного фокусирования : (на примере реляторных структур рус. и англ. яз.) / И. М. Петрова. – М. : Языки Народов Мира, 2020. – 185 с.
5. **Петрова, И. М.** Потенциал поисковой системы Google при проведении исследований в рамках когнитивной корпусной лингвистики / И. М. Петрова // *Теоретическая и прикладная лингвистика*. – 2019. – № 3. – С. 127–142.
6. **Сулейманова, О. А.** Принципы и методы лингвистических исследований / О. А. Сулейманова, М. А. Фомина, И. В. Тивьяева. – М. : Языки Народов Мира, 2020. – 352 с.

7. **Conroy, M. A.** Internet tools for language learning: University students taking control of their writing / M. A. Conroy // Australasian Journal of educational technology. – 2010. – № 26(6). – P. 861–882.
8. **Googling for opposites:** a web-based study of antonym canonicity / Jones S., Paradis C., Murphy M. L., Willners C. // Corpora. – 2007. – № 2(2). – P. 129–154.
9. **Kilgariff, A.** Web as corpus / A. Kilgariff // Proceedings of Corpus Linguistics conference / Aston, G. (ed.). – Lancaster, 2001. – P. 342–344.
10. **Robb, T.** Google as a quick and dirty corpus tool / Thomas Robb. – Text : electronic // TESL–EJ. – 2003. – № 7(2). – URL: <http://tesl-ej.org/ej26/int.html> (date of application: 11.10.2023).
11. **Sha, G.** Using Google as a super corpus to drive written language learning: A comparison with the British National Corpus / G. Sha // Computer Assisted Language Learning. – 2010. – №. 23. – P. 377–393.
12. **Suleimanova, O. A.** The Learning and Educational Potential of Digital Tools in Humanities and Social Science / O. A. Suleimanova, I. A. Guseinova, A. A. Vodyanitskaya // Society. Integration. Education : Proceedings of the International Scientific Conference, Rēzekne, 22–23 May 2020 gads / Redaktori Velta Lubkina, Līga Danilāne. – Rēzekne, 2020. – Vol. 4. – P. 657–669.
13. **Suleimanova, O. A.** Using Big Data Experiments in Cognitive and Linguo-Cultural Research in English and Russian / O. A. Suleimanova, I. M. Petrova // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2020. – Vol. 13, № 3. – P. 385–393.

Petrova I. M.

**The Research of Syntax Cognitive Mechanism of the Natural Language
by Using the Internet Search Engine**

This paper discusses the prospect of using Internet search engine in the process of language research based on corpus and cognitive linguistics. Analyzing this topic, the author demonstrates the legitimacy of using search engines in the context of studying the syntax of natural languages, noting the existence of parallel between individual human cognitive processes and search engine mechanisms.

Key words: *cognitive mechanism, search engine, syntax studies.*

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.581

Дорофеева Власта Станиславовна,
преподаватель кафедры английской и
восточной филологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
fulasidafulasida@gmail.com

Образы лисы, змеи, черепахи и муравья в китайской и русской лингвокультуре (на материале русских и китайских фразеологических единиц)

В статье рассматриваются особенности отражения таких образов животных, как лиса, змея, черепаха и муравей в китайской и русской лингвокультуре на материале различных фразеологических единиц. Образы перечисленных животных нашли отражение в русских и китайских идиомах, пословицах и поговорках.

Ключевые слова: фразеологизм, идиома, пословица, поговорка, лиса, муравей, черепаха, змея, образ, коннотация.

Как в русской, так и в китайской культуре, животные являются неотъемлемой частью жизни и быта человека. Фразеологические единицы с образами животных часто имеют социокультурные корни и отражают особенности общества и повседневной жизни. Анализ таких выражений может способствовать лучшему пониманию истории и культуры русского и китайского народов. Учитывая современный интерес к межкультурным взаимодействиям и мировому культурному наследию, данная статья позволяет взглянуть на классические символы животных через призму современных языковых изменений и интерпретаций.

Целью статьи является анализ фразеологических единиц китайского и русского языков с образами лисы, змеи, черепахи и муравья, а также выявление сходств и различий в их употреблении и значении.

Исследованием данной проблемы занимались М. В. Ануфриева, И. В. Войцехович, А. И. Головня, Юань Фан, Хао Хуэйминь и др. Несмотря на достаточно существенные культурные различия в отражении и понимании картины мира, образе мыслей, в отношении к окружающему миру в целом, существует достаточно большое количество животных, отношение к которым является похожим, но малоизученным.

Например, рассматривая образ лисы в русской культуре, первым делом стоит обратиться к русским народным сказкам, поскольку именно они являются одним из основных источников информации о характере и способностях данного животного. В таких сказках, как «Лисица и журавль», «Лиса и заяц», «Колобок», «Серая Шейка» и др. лисица, как правило, выступает

в качестве хитрого, коварного и злого персонажа. Она готова пойти на всё, ради достижения своих целей, однако всё же получает по заслугам. Известно, что образы животных в русских народных сказках являются олицетворением мира людей, соответственно, все те черты, которыми наделена лисица, могут быть присущи и людям, так людей хитрых, льстивых могут называть Лиса Патрикеевна, лисичка-сестричка и т. д. [1].

В русской фразеологии же встречаются следующие выражения [3]:

- «Лиса семерых волков проведет»;
- «Всякая лиса свой хвост хвалит»;
- «Лисица – старая льстица».

В китайской же фразеологии образ лисы также наделен хитростью, изворотливостью, скрытностью и коварством:

– 狐狸尾巴露出来了 [húli wěiba lùchū lái le] – показать лисий хвост (обр. показать истинное лицо, выдать себя с головой) [8, с. 145];

– 狐狸尾巴是藏不住的 [húli wěiba shì cáng bú zhù de] – лисий хвост не спрячешь (истинную натуру не спрятать) [9, с. 149];

– 狐狸尾巴 [húli wěiba] – лисий хвост (обр. истинная сущность) [6, с. 326];

– 狐假虎威 [hú jiǎ hǔ wēi] – лиса пользуется могуществом тигра (пользоваться чужим авторитетом) [6, с. 326].

Однако лисица, несмотря на все свои качества, не всегда является образцом решительности:

– 狐狸狐搨 [hú máihúhú] – лиса зарывает, лиса и выкапывает (проявлять нерешительность, слишком долго раздумывать) [6, с. 326].

Также достаточно часто среди китайских фразеологизмов можно встретить фразеологические единицы (далее ФЕ), в которых сочетаются образы собаки и лисицы. Такое явление обусловлено тем, что в китайской культуре собака не является «другом человека», этот образ, скорее, олицетворяет человека плохого, ненадежного:

– 狗口里吐不出象牙 [gǒukǒu lǐ tǔbùchū xiàngyá] – из собачьей пасти не жди слоновой кости (обр. не жди доброго слова от плохого человека) [9, с. 124].

В связи с этим, фразеологизмы с образами лисы и собаки не несут положительного значения:

– 狐朋狗友 [hú péng gǒu yǒu] – дурная компания; всякий сброд; разношерстная свора; друзья-шакалы; гнилые друзья; подлые друзья [2];

– 狐群狗党 [húqúngǒudǎng] – лисья стая, собачья свора; свора, банда, шайка; разношерстый сброд [4].

Однако не всегда образ лисы связывают только с хитростью:

– 狐裘羔袖 [húqíu gāoxiù] – шуба-то лисья, да рукава овечьи (хорошо, да не дюже) [6, с. 326];

– 狐死首丘 [hú sǐ shǒu qīu] – подыхая, лиса поворачивает морду к норе (тосковать, с тоской вспоминать (прошлое, родные места) [2].

Еще одним достаточно интересным животным является черепаха. В русской культуре черепаха является олицетворением неспешности, часто выступает героем сказок и басен. В китайском языке есть идиома, которая полностью отражает смысл басни Эзопа – «Черепаха и заяц», которая известна нам тем, как черепаха обогнала самоуверенного зайца и победила в споре,

благодаря своему упорству: 龟兔赛跑 [guītù sàipǎo] – гонка между черепахой и зайцем. Он используется для описания ситуации, когда медленное и постепенное продвижение может привести к успеху, даже если изначально на него и не рассчитывал [2].

Как правило, медлительность и неспешность упоминаются в негативном контексте: «ползёт, как черепаха». Однако, благодаря своей медлительности, может достигнуть цели: «медленно идущая черепаха дойдет и до самого дальнего угла». Иногда черепаха даже олицетворяет трусость: «как черепаха, носа не высунешь».

В китайском же языке черепаха, прежде всего, символ долголетия:

– 龟龄鹤算 [guīlíng hèsuàn] – долгих лет (пожелание долголетия) [6, с. 295];

– 龟年鹤寿 [guīnián hèshòu] – жить долго, как черепаха и журавль (пожелание долголетия) [2].

В некоторых случаях фразеологизмы с компонентом «черепаха» означают бесполезный труд:

– 龟背上刮毡毛 [guībèi shàng guā zhān máo] – брить шерсть на спине у черепахи [10, с. 839];

– 刮毛龟背 [guā máo guībèi] – брить волосы/шерсть на спине у черепахи (обр. заниматься бесполезным трудом) [2].

Интересным фактом является то, что черепаха в Китае олицетворяет императора, а именно, является символом защиты и надежности императорской власти:

– 鼉鸣鳖应 [yuánmíngbiēyìng] – крупная черепаха закричит, малая откликнется (о взаимопонимании между государем и подданными).

Образ змеи в русской фразеологии часто связан с негативными коннотациями и символизирует зло, хитрость, лукавство или коварство, например: «сколько змею ни держать, а беды от нее ждать», «в ногах ползает, а за пятку хватает», «змеиное гнездо».

В китайской культуре змея тоже не является положительным животным:

– 蛇没吃饱蛤蟆可掉了命了 [shé méi chībǎo, háma kě diào le] – змея не насытилась – жаба лишилась жизни (когда силы противника превосходят твои) [10, с. 1101];

– 蛇咬一口入骨三分 [shé yǎoyīkǒu rùgǔ sānfēn] – яд змеи проникает до костей (трудно/невозможно оправдаться, когда тебя оклеветал плохой человек) [9, с. 350].

В некоторых фразеологизмах можно увидеть вместе образы змеи и крысы/мыши или же собаки, так как эти животные также не обладают положительными чертами с точки зрения китайской культуры:

– 蛇鼠一窝 [shé shǔ yī wō] – змея и крыса в одном гнезде; друг друга стоят, заодно (о нескольких людях, объединившихся с плохими намерениями) [10, с. 1101];

– 蛇有蛇路鼠有鼠路 [shé yǒu shé lù shǔ yǒu shǔ lù] – у змеи своя дорога, у мыши своя (у каждого свой путь) [9, с. 350];

– 蛇自过犬自行 [shé zì guō quǎn zìxíng] – змея и собака сами по себе (у каждого своя дорога, идти своей дорогой, не мешая другому) [10, с. 1102].

В том числе существуют фразеологизмы с самым разнообразным значением:

– 蛇大窟窿大 [shé dà kūlong dà] – змея большая – нора тоже большая (большие доходы – большие расходы) [9, с. 349];

– 蛇入竹筒, 曲性犹在 [shé rù zhútǒng qū xìng yóuzài] – змея, заползшая в бамбуковую трубу, не перестанет изгибаться (природу не переделаешь) [2];

– 蛇无头不行 [shéwútóubùxíng] – змея без головы двигаться не может (без вождя массы действовать не могут; без пастуха и овцы не стадо) [2];

– 蛇影杯弓 [shéyǐng bēigōng] – пугаться созданного собственным воображением (увидев в бокале отражение висящего на стене лука, вообразить, что это змея), у страха глаза велики – пугаться игры собственного воображения; пуганая ворона куста боится [6, с. 688].

Образ муравья и в русской, и в китайской лингвокультурах является достаточно схожим. Прежде всего, это символ трудолюбия и упорства, в русской фразеологии: «муравей не велик, а горы копает», «мал муравей телом, да велик делом». И в китайской:

– 蚂蚁啃骨头 [mǎyǐ kěn gǔtóu] – муравей кость точит (упорством и настойчивостью добиваться успеха; упорным и кропотливым трудом вершить великие дела) [8, с. 223];

– 蚂蚁搬动太行山 [mǎyǐ bāndòng tài háng shān] – муравьи и горы Тайханшань передвинут [4];

– 蚂蚁抬土搬泰山 [mǎyǐ tái tǔ bān tài shān] или 蚂蚁搬泰山 [mǎyǐ bān tài shān] – муравьи и гору Тайшань перенесут (об объединенных усилиях людей) [2].

Муравей горделив и не всегда с умом рассчитывает свои силы:

– 蚂蚁缘槐 [mǎ yǐ yuán huái] – надуться от гордости [6, с. 496];

– 蚍蜉撼大树 [pífú hàn dàshù] – муравей раскачивает большое дерево (браться за дело не по своим силам, переоценить свои возможности) [2].

Образ муравья символизирует бесстрашие и жажду жизни:

– 蚂蚁都贪生 [mǎyǐ dōu tānshēng] – все муравьи дорожат жизнью (даже муравьи хотят жить, почему же человек не всегда дорожит своей или жизнью других) [2];

– 蚂蚁爬树不怕高 [mǎyǐ páshù bùpàgāo] – муравей, взбираясь на дерево, не боится высоты (о бесстрашии) [10, с. 272].

Подводя итог, следует отметить, что в процессе анализа образов животных, выполненного на материале фразеологических единиц китайского и русского языков, нами было выявлено достаточно большое количество сходных черт, например, образ лисы символизирует хитрость, подлость и коварство. Образ муравья является символом трудолюбия и упорства. Черепаха также является символом упорства, однако отличие состоит в том, что в китайской фразеологии и культуре она является олицетворением императора и правительства, символом защиты, мудрости и надежности, в русской же культуре она символизирует медлительность и трусость. Змея является олицетворением зла, ненадежности и коварства, по этой причине данный образ упоминается во фразеологии в негативном контексте.

Существует еще достаточно большое количество животных, образы которых являются отражением мировоззрения и картины мира исследуемых народов, в связи с этим перспективы дальнейших исследований мы видим в изучении других образов животных на материале русского и китайского языков.

Список литературы

1. **Афанасьев, А. Н.** Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : в 3 т. Т. 1 / А. Н. Афанасьев ; [подгот. текста, предисл. и примеч. В. Я. Проппа]. – М. : Гослитиздат, 1957. – 515 с.
2. **Большой китайско-русский словарь** : по русской графической системе : в 4 т. : ок. 250000 слов и выражений / сост. кол. китайстов под рук. и ред. проф. И. М. Ошанина. – М. : Наука, 1983–1984. – URL: <https://bkrs.info> (дата обращения: 29.09.2023). – Текст: электронный.
3. **Большой сборник пословиц.** – Текст : электронный // Poslovic.ru – все пословицы в одном месте : [сайт]. – URL: <https://www.poslovic.ru/> (дата обращения: 30.09.2023).
4. **Китайский онлайн-словарь.** – Текст : электронный // Чжунга : [сайт]. – URL: <https://www.zhonga.ru/> (дата обращения: 24.09.2023).
5. **Эзоп.** Полное собрание басен в одном томе / Эзоп, Лафонтен, Крылов ; [ил. Э. Гризе и др.]. – М. : Альфа-книга, 2011. – 1197 с.
6. **汉语成语词典: 世纪版** / 何伟渔主编. – 上海 : 上海教育出版社, 2004. – 1172 页.
7. **小学生成语词典** / 汪耀楠, 严学军主编. – 北京 : 外语教学与研究出版社, 2007. – 471 页.
8. **新华惯用语典** / 温端政主编 ; 商务印书馆研究中心编. – 北京 : 商务印书馆, 2007. – 571 页.
9. **新华谚语词典** / 商务印书馆研究中心编. – 北京 : 商务印书馆, 2005. – 570 页.
10. **中国惯用语大全** / 温端政等编著. – 上海 : 上海辞书出版社, 2004. – 1414 页.

Dorofeeva V. S.

Images of a fox, snake, turtle and ant in Chinese and Russian linguistic culture (on the Material of Phraseological Units of the Russian and Chinese Languages)

The article discusses the features of the reflection of such animal images as fox, snake, turtle and ant in Chinese and Russian linguistic culture based on various phraseological units. The images of the listed animals are reflected in Russian and Chinese idioms, proverbs and sayings.

Key words: *phraseological unit, idiom, proverb, saying, fox, ant, turtle, snake, image, connotation.*

УДК [808.51:811.111'373'38] : 929 Трамп

Некрутенко Елена Борисовна,
канд. пед. наук, доцент кафедры
теории и практики перевода
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
advego.first88@mail.ru

Зайцева Анна Юрьевна,
преподаватель кафедры
теории и практики перевода
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
vasilenko0905@mail.ru

Лингвостилистические особенности выступлений Д. Трампа

Статья посвящена лингвостилистическим особенностям инаугурационных выступлений американского политического лидера – Д. Трампа. Исследованы лингвостилистические приемы, относящиеся к разным языковым уровням – лексическому и синтаксическому. Проанализированы примеры использования лингвостилистических приемов в речи политика.

Ключевые слова: лингвостилистические приемы, лексический уровень, синтаксический уровень, инаугурационные выступления, Д. Трамп.

На современном этапе развития общества политический дискурс вызывает интерес у исследователей разных направлений науки – историков, политологов, лингвистов, юристов, но также и у философов. Язык политики активно обсуждается на многих международных и региональных научных конференциях. Фигура Д. Трампа в политике США является довольно актуальной темой для обсуждений в виду того, что этот политический лидер, используя силу ораторского таланта, смог выиграть победу на выборах президента США и продолжает поддерживать интерес к своей личности до сих пор. Несмотря на внушительное количество проведенных исследований, все еще не решены задачи в определении понятия политического дискурса, недостаточно исследованы медиадискурсы, дискурсы отечественных и зарубежных политических деятелей, в особенности недостаточно изучены лингвистические методы в речах Д. Трампа, что представляет актуальность данного исследования.

Среди зарубежных лингвистов, которые занимались изучением понятия «языковая личность» (далее – ЯЛ), можно выделить таких исследователей, как В. Гумбольдт, И. А. Бодуэн де Куртене, Ф. де Соссюр, Э. Сепир и др. Отечественные ученые-лингвисты А. М. Пешковский, В. В. Виноградов, Р. А. Будагов и др. также внесли большой вклад в развитие данной проблемы.

На современном этапе существует несколько направлений в изучении ЯЛ: разработка модели языковой личности (Ю. Н. Караулова, Г. И. Богина, С. Г. Воркачев), выделение социолингвистического или психологического подтипа – языковая личность ребенка, интеллигента, жителя деревни, ведущего и т. д. (А. В. Захарова, Л. П. Крысин, Г. Н. Беспмятнова,

Т. А. Ивушкина, М. В. Ляпон), переход от языковой личности к речевой личности (Л. П. Клобукова, Е. Ю. Прохоров, В. В. Красных), анализ языковой личности как *homo loquens* (Г. В. Ейгер, С. В. Лебедева, И. А. Раппопорт, А. А. Залевская), рассмотрение языковой личности как носителя национального языка и культуры (Н. В. Уфимцева, Н. Л. Чулкина, В. М. Богуславский) и др. [1]

Многими учеными подтверждено, что в выступлениях политика Д. Трампа часто используются различные обороты речи. Применение эпитетов, метафор, сравнений и повторов позволяет политику усилить её эмоциональность, а также предоставляет возможность обратить внимание слушателя / зрителя на ту оценку ситуации, которую он считает верной, что оказывает определенное влияние на публику:

“And while they <u>celebrated</u> in our nation's capital, there was little to <u>celebrate</u> for struggling families all across our land” [2].	«И, хотя они <u>праздновали</u> в столице нашей страны, мало что можно было <u>отпраздновать</u> для борющихся семей по всей нашей земле» (лексический повтор).
“We share one heart, one home, and one glorious destiny” [1].	«У нас одно сердце, один дом, одна славная судьба» (лексический повтор).
“Now it's time for America to <u>bind the wounds of division</u> ” [4].	«Теперь очередь Америки <u>перевязывать раны разобщения</u> » (метафора).

Также на протяжении предвыборной кампании Д. Трамп часто употребляет в речи гиперболу. Например, в своей речи «State of the Union» (2018), говоря о возведении стены между США и Мексикой, о глобальном потеплении, об уничтожении исламского терроризма:

“The dishonest media does not report that any money spent on building the Great Wall (for sake of speed), will be paid back by Mexico later!” [7].	«Нечестные СМИ не сообщают, что какие-либо деньги, потраченные на строительство Великой стены (ради скорости), будут возвращены Мексикой позже!»
“The concept of global warming was created by and for the Chinese in order to make U.S. manufacturing non-competitive” [7].	«Концепция глобального потепления была создана китайцами и для китайцев, чтобы сделать американское производство неконкурентным».
“We will reinforce old alliances and form new ones, and unite the civilized world against radical Islamic terrorism, which we will eradicate completely from the face of the Earth” [4].	«Мы укрепим старые союзы и сформируем новые, объединим цивилизованный мир против радикального исламского терроризма, который мы полностью уничтожим с лица Земли».

Использование лексического повтора позволяет закрепить в памяти публики основную идею выступления. Например, мы можем наблюдать это в инаугурационной речи и выступлении в 2018 году «State of the Union»:

“We are one nation and their <u>pain</u> is our <u>pain</u> . Their <u>dreams</u> are our <u>dreams</u> . And their <u>success</u> will be our <u>success</u> ” [7].	«Мы – одна нация, и их <u>боль</u> – наша <u>боль</u> . Их <u>мечты</u> – это наши <u>мечты</u> . И их <u>успех</u> будет нашим <u>успехом</u> ».
“My <u>duty</u> , and the sacred <u>duty</u> of every elected official in this chamber, is to defend Americans – to protect <u>their</u> safety, <u>their</u> families, <u>their</u> communities, and <u>their</u> right to the American Dream” [7].	«Мой <u>долг</u> и священный <u>долг</u> каждого избранного должностного лица в этой палате – защищать американцев, <u>их</u> безопасность, <u>их</u> семьи, <u>их</u> общины и <u>их</u> право на американскую мечту».
“Tremendous amounts of work has been done, and <u>tremendous</u> , frankly, <u>amounts</u> of money has been donated” [5].	«Проделана <u>огромная</u> работа, пожертвованы <u>огромные</u> , прямо скажем, суммы денег».

Для манипулирования сознанием публики автор использовал лексический повтор на словах *pain* (боль), *duty* (долг), *dream* (мечта), *their* (их), *tremendous* (огромный). Д. Трамп таким образом подчеркнул важность этих слов и утвердил положительную самопрезентацию благодаря доверию публики. Также данный прием означает, что политик намерен выполнить свои обещания.

Исследуя выборку материала по теме, мы также заметили, что среди всех эпитетов Д. Трамп использует слово *smart* чаще всего. Скорее всего, это обосновано популярностью слова среди англоязычного населения. В своих выступлениях политик использует данный эпитет для описания внешней и внутренней политики других стран, и, сравнивая их с политикой США, Д. Трамп обозначает превосходство иностранных деятелей, например:

“China is smart, America is ruined” [4].	«Китай умный, Америка разорена».
“Their leaders are much smarter than our leaders” [4].	«Их лидеры гораздо умнее наших лидеров».
“Our leaders are stupid, our politicians are stupid, and the Mexican government is much smarter, much sharper, much more cunning” [4].	«Наши лидеры глупы, наши политики глупы, и мексиканское правительство гораздо умнее, гораздо острее, гораздо хитрее».

Слово «smart» в примерах имеет не только первоначальное значение «умный, эффективный», но также «наглость, хитрость» (как, например, в идиоме *smart aleck* – «нахальный / самоуверенный / пронырливый тип») и, в контексте используемых примеров, выражает идею Д. Трампа о том, что у Америки очень хитрые враги. Помимо лексической единицы *smart* Д. Трамп также использует синонимы: *shrewd*, *sharp*, *tough*, *cunning*. Данные эпитеты в контексте последних двух примеров применены в рамках стилистического приема – синонимической кондексации.

Еще одним часто употребляемым эпитетом в речи экс-президента США является лексическая единица *stupid*, что в переводе означает «глупый, тупой». В последнем примере на основе этого эпитета выражается прием противопоставления или антитезы, с помощью которого Д. Трамп выражает недовольство политикой предыдущей администрации и убеждает публику, что новая станет лучше. Благодаря такой манипуляции, Д. Трамп укореняет

мысль о положительности своей кампании. В следующих примерах обозначается эта позиция:

“Washington flourished, but the people did not share in its wealth. Politicians prospered, but the jobs left and the factories closed. The establishment protected itself, but not the citizens of our country” [5].	«Вашингтон процветал, но народ не разделял его богатства. Политики процветали, но рабочие места уходили, а заводы закрывались. Они защищали себя, но не граждан нашей страны» (отрицательная коннотация).
“As we strengthen friendships around the world, we are also restoring clarity about our adversaries” [5].	«Укрепляя дружеские отношения по всему миру, мы также восстанавливаем ясность о наших противниках» (положительная коннотация).

Здесь так же, как и в предыдущем случае, автор использует синонимы *disrespect* (не уважать), *mock* (осмеивать), *rip off* (обкрадывать), *ruin* (разваливать) и пр. в рамках отрицательного значения, посредством которых Д. Трамп создает печальную картину современной Америки, которая стала такой в результате правления предыдущей власти.

Далее рассмотрим речь политика на уровне синтаксиса:

– прием парцелляции (разделение речи на простые, короткие предложения):

“They’re bringing drugs. They’re bringing crime. They’re rapists” [1].	«Они приносят с собой наркотики. Они приносят с собой преступления. Они насильники»
“We’re not talking about isolation, we’re talking about security. We’re not talking about religion; we’re talking about security. Our country is out of control” [1].	«Мы сейчас говорим не об изоляции, мы сейчас говорим о безопасности. Наша страна вышла из-под контроля».

В данных примерах использовались так называемые комбинированные лексико-синтаксические приемы: парцелляция + повтор (*I win*), парцелляция + параллелизм (*They’re bringing...*), парцелляция + антитеза + синтаксический параллелизм (*We’re not talking about... we’re talking about*).

– синтаксический параллелизм:

“We are going to fix our inner cities and rebuild our highways, bridges, tunnels, airports, schools, hospitals. We’re going to rebuild our infrastructure, which will become, by the way, second to none. And we will put millions of our people to work as we rebuild it” [2].	«Мы собираемся починить наши внутренние города и восстановить наши магистрали, мосты, туннели, аэропорты, школы, больницы. Мы восстановим нашу инфраструктуру, которая станет, кстати, второй. И мы заставим миллионы наших людей работать, как мы восстановим его»
---	---

“We must protect our borders from the ravages of other countries making our products, stealing our companies and destroying our jobs” [2].	«Мы должны защитить наши границы от разрушений других стран, производящих нашу продукцию, крадущих наши компании и уничтожающих наши рабочие места».
--	--

Данный прием имеет организационную функцию, помогает придать речи политика выразительность высказывания и задержать внимание слушателей / зрителей на сказанном.

– анафора + синтаксический параллелизм:

“We have over 200 generals and admirals that have endorsed our campaign. We have 22 congressional Medal of Honor recipients. We have just tremendous people” [7].	«У нас более 200 генералов и адмиралов, которые одобрили нашу кампанию. У нас 22 лауреата Почетной медали Конгресса. У нас просто огромные люди».
“If there is a mountain, we climb it. If there is a frontier, we cross it. If there is a challenge, we tame it. If there is an opportunity, we seize it” [7].	«Если есть гора, мы поднимаемся на нее. Если есть граница, мы пересекаем ее. Если есть вызов, мы его укротим. Если есть возможность, мы пользуемся ею».

– инверсия:

“After years of wage stagnation, <u>we are finally seeing rising wages</u> ” [2]	«После многих лет стагнации заработной платы мы, наконец, наблюдаем рост заработной платы».
“It's a movement comprised of Americans from all races, religions, backgrounds and beliefs who want and expect our government to serve the people, <u>and serve the people it will</u> ” [2].	«Это движение, состоящее из американцев всех рас, религий, происхождения и убеждений, которые хотят и ожидают, что наше правительство будет служить народу, и служить людям, которым оно будет».

С помощью инверсии политик делает акцент на важной части информации и способствует повышению выразительности и эмоциональности языка. Благодаря инверсии, Д. Трамп придает дополнительный смысл и эмоциональную нагрузку высказываниям.

– риторический прием молчания:

“I was going to say dummy Bush; I won't say it. I won't say it” [4].	«Я хотел сказать тупица Буш; я этого не скажу. Я этого не скажу».
“I refuse to call Megyn Kelly a bimbo, because that would not be politically correct” [4].	«Я отказываюсь называть Мегин Келли пустышкой, потому что это будет политически некорректным».

“Unlike others, I never attacked dopey Jon Stewart for his phony last name. Would never do that” [4].	«В отличие от других, я никогда не дразнил соню Джона Стюарта из-за его дурацкой фамилии. Я бы никогда этого не сделал».
---	--

Данный прием позволяет политику сказать, то, что он не хотел бы говорить, как правило, это что-то отрицательное. В контексте неполиткорректной, экспрессивной лексики политик, «извиняясь», дает негативную характеристику оппонентам и привлекает внимание аудитории. Риторическое молчание можно отнести к особенностям выступления Д. Трампа, так как он предпочитает говорить правду честно и просто:

“I frankly don’t have time for political correctness. And to be honest with you, this country doesn’t have time either” [3].	«Откровенно говоря, у меня нет времени на политкорректность. И буду честен с вами, у страны тоже нет на это времени».
--	---

Д. Трамп также использует в речи обилие неформальной лексики и словосочетаний, например: «I mean, look, I’m for it, okay, I wanna, you know». Данный метод дает понять слушателям, что политик на их стороне и что ему можно доверять:

«But, Jimmy, the problem – I mean, look, I’m for it» [6].

«And what I wanna do is find out what it – you know, you can’t solve a problem until you find out what’s the root cause» [6].

В речах Д. Трампа мы обнаружили некоторые эмфатические конструкции на лексическом, грамматическом и лексико-грамматическом уровне. Применяя этот метод, политик имеет возможность сделать акцент на важной информации:

“What truly matters is not which party controls our government, but whether our government is controlled by the people” [5].	«Что действительно имеет значение, так это не то, какая именно партия контролирует наше правительство, а то, контролируется ли наше правительство народом».
“And it is the people who are making America great again” [5].	«И именно народ сейчас делает Америку великой снова».
“You waited, you prayed, you answered that most dreaded call, and your life changed forever” [3].	«Вы ждали, вы молились, вы ответили на самый страшный звонок, и ваша жизнь изменилась навсегда».

В целом речь Д. Трампа довольно эмоциональна. В совокупности все приемы на разных уровнях речи позволяют политику стать «ближе к народу» и заслужить их доверие, а впоследствии и голос. Ведь не зря же, говоря о себе как о будущем президенте, он пообещал стать *the best jobs President that God ever created* (лучшим президентом, какого когда-либо сотворил Бог).

Исследовав структуру и лексический инструментарий выступлений бывшего президента США Д. Трампа, мы проанализировали лингвостилистические приемы, относящиеся к разным языковым уровням –

лексическому и синтаксическому. Из всех выступлений, которые подверглись анализу, мы выделили 284 примера единиц на лексическом уровне: эпитет (95 ед. – 33%), метафора (82 ед. – 28%), сравнение (44 ед. – 15%), преувеличение / гипербола (32 ед.– 11%), лексический повтор (21 ед. – 7%) (Рис. 1); 69 единиц на синтаксическом уровне, из которых параллелизм структур встречается 37 раз, инверсия – 19, парцелляция – 13 ед. (Рис. 2).

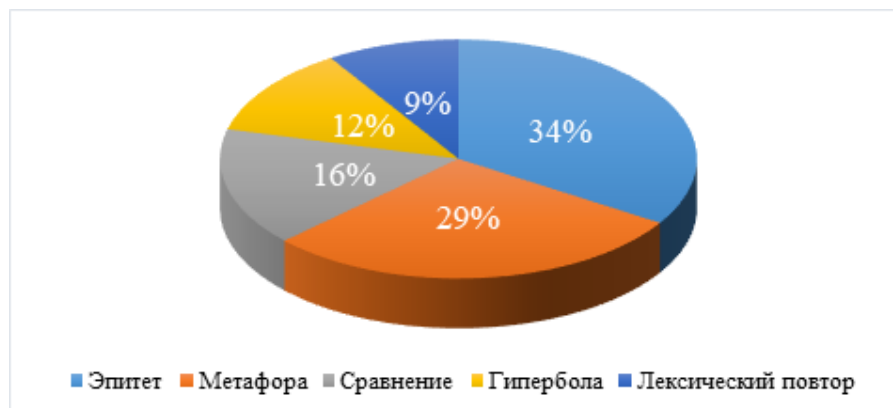

Рис. 1. Процентное соотношение найденных лингвостилистических особенностей на лексическом уровне

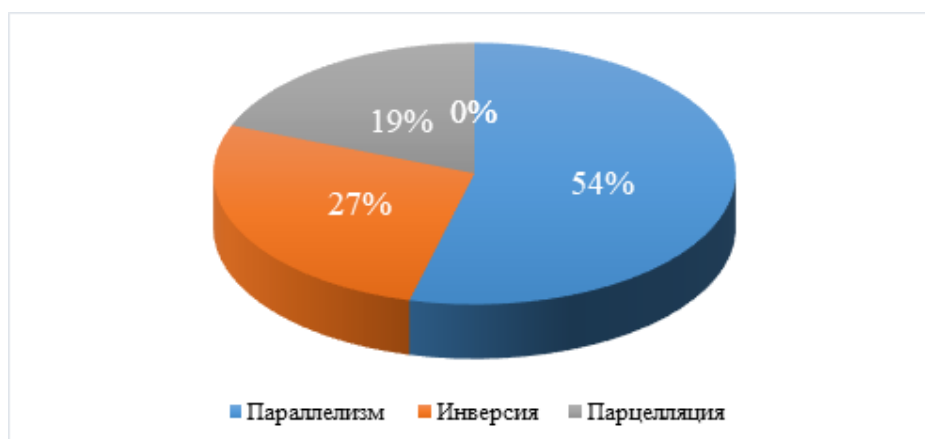

Рис. 2. Процентное соотношение найденных лингвостилистических особенностей на синтаксическом уровне

Перспективы дальнейших исследований мы видим в лексико-семантическом и стилистическом анализе языковой личности американского политика.

Список литературы

1. **Donald Trump Addresses the Launch of «Black Voices for Trump» in Atlanta.** – Text : electronic // Vimeo : [video hosting]. – URL: <https://vimeo.com/389051722> (date of application: 17.12.2021).
2. **Donald Trump Campaign Speech Transcript, Ohio September 21.** – Text : electronic // Rev.com : [website]. – URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-campaign-speech-transcript-vandalia-ohio-september-21> (date of application: 11.04.2022).
3. **Donald Trump Colorado Springs, CO Rally Transcript.** – Text : electronic // Rev.com : [website]. – URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-colorado-springs-co-rally-transcript> (date of application: 11.04.2022).
4. **Donald Trump Delivers Remarks at Child Care and Paid Leave Summit.** – Text : electronic // Factba.se : [website]. – URL: <https://factba.se/transcript/donald-trump-remarks-child-care-parental-leave-summit-december-12-2019> (date of application: 17.12.2021).
5. **Donald Trump Delivers Remarks on Veterans Day in New York City.** – Text : electronic // Factba.se : [website]. – URL: <https://factba.se/transcript/donald-trump-remarks-veterans-day-new-york-city-november-11-2019> (date of application: 15.12.2021).
6. **Donald Trump Holds a Political Rally in Dallas.** – Text : electronic // Factba.se : [website]. – URL: <https://factba.se/transcript/donald-trump-speech-kag-rally-dallas-texas-october-17-2019> (date of application: 15.12.2021).
7. **Donald Trump’s Victory Speech. 10.** – Text : electronic // The New York Times : [newspaper : website]. – 2016. – 9 November. – URL: <https://www.nytimes.com/2016/11/10/us/politics/trump-speech-transcript.html> (date of application: 15.12.2021).

**Nekrutenko E. B.,
Zaitseva A. Yu.**

Linguistic and Stylistic Features of D. Trump’s Speeches

The article is devoted to the linguistic and stylistic features of the inaugural speeches of the American political leader D. Trump. The article studies linguistic and linguistic features belonging to different linguistic levels – lexical and syntactic. Examples of the use of linguistic techniques in the speech of the politician are analyzed.

Key words: *linguistic-stylistic techniques, lexical level, syntactic level, inaugural speeches, D. Trump.*

Нехаева Екатерина Алексеевна,
преподаватель кафедры английской
и восточной филологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
katherinanehaeva@gmail.com

Особенности функционирования зоонимов в пословицах турецкого языка

В статье проводится сравнительный анализ сходств и различий пословиц с зоонимами в русском и турецком языках как инструмента межкультурной коммуникации, приводятся примеры определений смыслов базовых зоонимов. Автор приходит к выводу, что определяющим фактором схожести образов животных в пословицах разных народов является идентичность морально-нравственных качеств личности.

Ключевые слова: зооним, переносное значение, перевод, турецкий язык, пословица.

Язык – это главное средство передачи мыслей человека. Через язык происходит самовыражение культуры его носителей. Культура же неразрывно связана с окружающим миром: религией, искусством, бытом, животными, растениями и т. д. Одним из основных направлений современной лингвистики является исследование, как отдельных фрагментов, так и языковой картины мира в целом: внешняя действительность отражается в языке народа.

Актуальность данной работы обусловлена малой изученностью положений фразеологии в разрезе сопоставления языков при межкультурной коммуникации.

Одним из основных средств выражения культуры являются пословицы. Они имеют в своей основе богатый жизненный опыт народа, переданный через поколения. Первоисточником пословиц является коллективный разум народа. Как указывал А. Н. Афанасьев, «они являются главным источником мудрости предков, хранителями памяти и орудием передачи человеческого опыта» [1, с. 15].

Кроме того, по словам Ш. Балли, «извечное несовершенство человеческого разума проявляется также и в том, что человек всегда стремится одухотворить то, что его окружает. Он не может представить себе, что природа мертва и бездушна; его воображение постоянно наделяет жизнью неодушевленные предметы, но это еще не все: человек постоянно приписывает всем предметам внешнего мира черты и стремления, свойственные его личности» [2, с. 115].

По своей тематике пословицы практически безграничны, так как они касаются всех сторон жизни человека, в них отражается вся жизнь народа, а центральной фигурой в них всегда выступает человек, поэтому этнокультурная специфика метафорической номинации (пословицы) требует понимания ее сущности в стереотипном восприятии быта носителей языка.

Большая доля пространства, соответствующего различным сферам проявления человеческих качеств, охвачена зоонимами. Термин «зооним»

применяется по отношению к именам существительным, обозначающим как название животного (прямое значение), так и его употребление в метафорической функции (переносное значение – «о человеке») [4, с. 83]. Каждый компонент такой поговорки основывается на отождествлении тех или иных качеств, черт человека с животными. Например, заяц отождествляется с трусостью, лиса – с хитростью, слон – с неповоротливостью и т. п.

Зооморфную поговорку как межъязыковую универсалию ученые изучают на материале разных языков с целью выявления оснований ее тематического деления (Т. И. Вендина, Д. С. Сетаров, Ц. Ц. Огдонова и др.), исследования метафорического переосмысления зоонимов с позиции номинации (Э. А. Кацитадзе), их характеризующей природы в употреблении в речи (М. И. Черемисина).

Цель статьи – изучение употребления поговорок с зоонимами как инструмента межкультурной коммуникации, систематизация данных о роли зоонимов в языковых картинах мира турецкого и русского языков.

Новизна исследования состоит в определении вторичных значений зоонимов русского и турецкого языков в составе поговорок.

В семантике зоонимов соединены денотативный компонент (связь между знаком и понятием) и коннотативный (значение семы эмоции, оценки, образности). Ассоциация, возникающая в сознании человека как основание сравнения, – всего лишь один из способов языкового отображения мысленного представления, что объясняет невозможность однозначной интерпретации переносного значения слова [4, с. 83].

«Ассоциативные характеристики, возникающие при использовании того или иного образа в сознании носителей языка, весьма разнообразны. За одним и тем же метафорическим образом могут быть закреплены разные предикативные характеристики и наоборот, одному и тому же признаку могут ставиться в соответствие различные метафорические субъекты. В случае существования в сознании носителей языка нескольких коннотативных образов для выражения одного и того же признака, при окончательном выборе учитываются многие факторы: ... отрицательный или положительный статус образа, частотность его употребления, его потенциальное восприятие адресатом речи» [4, с. 84].

Пословицы с компонентом-зоонимом могут отражать различные характеристики субъекта, среди которых:

- физические свойства;
- черты внешности и физиологические особенности;
- психические свойства;
- ментальные черты;
- повадки, умения, навыки [3, с. 153].

Итак, рассмотрим турецкие поговорки, содержащие в себе компоненты-зоонимы *медведь, лошадь, кот/кошка, осел, собака*.

Слово «медведь» в переносном значении в турецком языке говорит о грубости (невежливый, грубый человек), тогда как в русском на первый план выступает дефиниция – крупный, неуклюжий человек.

Ayı herif (о человеке) – грубый [5, с. 81].

Ayı şakası (в отношении кого-то) – играть злую шутку [5, с. 81].

Ayıyı görmektense çalıyı dolaşmak iyidir (досл. «Чем встретиться с

медведем, лучше обойти кустарник стороной») – не совершать необдуманных, рискованных действий. – Русский эквивалент – «Береженого Бог бережет» [5, с. 81].

Armudun iyisini ayular yer (досл. «Лучшие груши, как известно, едят медведи») – все лучшее достается нехорошим людям». – Полный эквивалент отсутствует в русском языке [5, с. 64].

Ayuya kaval çalmak (досл. «Играть медведю на свирели») – напрасно делать что-то тому, кто не способен это оценить. – Русский эквивалент – «Метать бисер перед свиньями» [5, с. 81].

«Лошадь» в турецком и русском языках отождествляется с силой и здоровьем. Однако, в русском языке «лошадь» – человек трудолюбивый, но и тот, на ком «ездят», т. е. эксплуатируют. Также «лошадь» имеет отрицательное значение по отношению к внешнему виду человека. Тогда как в турецком языке «лошадь» – человек сильный, красивый (объект восхищения).

Например:

At gibi (досл. «Как лошадь») – так говорится о здоровой и красивой женщине [5, с. 72].

At hırsız gibi (досл. «Как похититель лошадей») – о крупном и сильном мужчине [5, с. 73].

Atı eşkin, kılıcı keskin (досл. «Лошадь быстра, меч остр») – способный добиться всего человек [5, с. 72].

At ile eşek yarışamaz (досл. «Ишаку с лошастью не тягаться») – Русский эквивалент «Конь корове не товарищ» [5, с. 72].

«Кот»/«кошка» – в переносном значении означает грациозность, норовистость, хитрость, умение выйти «сухим» из любой ситуации.

Kedi ile harara (çuvala) girmek (досл. «Залазить в мешок с кошкой») – связаться с человеком, с которым трудно ужиться. – Эквивалент в русском языке отсутствует [5, с. 529].

Kedi ile köpek gibi (olmak) – (досл. «Жить как кошка с собакой») – не уживаться друг с другом [5, с. 529].

Kediye peynir tulumu emanet etmek (досл. «Поручить кошке мешок с сыром») – допустить кого-то туда, где от него будет вред. – Русский эквивалент – «Пустить козла в огород» [5, с. 529].

«Осел» в обоих сравниваемых языках символизирует упрямство и глупость. Например:

Eşek inadı – ослиное упрямство [5, с. 280].

Eşekten düşmüşe dönmek (досл. «Упасть с осла») – опозориться, попасть в тяжелое положение. – В русском языке эквивалент с полной передачей смысла отсутствует [5, с. 280].

Eşeği düğüne çağırmişlar, «ya su lâzıdır, ya odun» demiş (досл. «Позвали ишака на свадьбу», «Должно быть, вода понадобилась или дров нет», – подумал он) – быть «использованным». – Русский эквивалент «На смиренного осла двое садятся» [5, с. 280].

Eşeğe gücü yetmiyen semeri döver (досл. «У кого не хватает силы на осла, бьет седло») – о тех, кто срывает злость на слабых. – Эквивалента в русском языке нет [5, с. 280].

Слово «собака» в турецком языке используется как ругательное и бранное. Истоки данного явления восходят к религии мусульман – исламу.

Согласно ему, собака – «грязное» животное, поскольку питается практически без разбора, а также является переносчиком болезней людям. Это нашло свое отражение в следующих пословицах.

Köpek yese kudurur (досл. «Если собака съест – взбесится») – разговор о чем-либо грубом и оскорбительном [5, с. 566].

Köpek havlamayla hava bulanmaz (досл. «Собака лает – ветер носит») – говорят, когда просят не обращать внимания на злословие, сплетни и т. п. – Русский эквивалент – «Собаки лают, караван идет» [5, с. 566].

Köpek suya düşmeyince yüzmeyi öğrenmez (досл. «Пока собака в воду не упадет, плавать не научится») – В русском языке эквивалент данной пословицы отсутствует [5, с. 566].

Köpekle yatan pire ile kalkar (досл. «Ночующий с собакой набирается блох») – так говорят о связи с неправильным человеком (компанией). – Русский эквивалент – «С кем поведешься, от того и наберешься» [5, с. 566].

Пословицы с названиями животных в своей основе существуют как в письменной, так и в устной речи, поэтому использование зоонимов – результат наблюдений человека за природой и животными, взаимодействия с ними. Образы животных в турецких и русских пословицах в большинстве своем сходны, но иногда имеют небольшие расхождения, касающиеся больше плана выражения, чем содержания. Такие расхождения неизбежны, поскольку фразеологизмы с зоонимами являются отражением ментальных черт народа.

В исследованных нами пословицах образы во многом схожи, несмотря на неродственность русского и турецкого народов. Главным фактором, определяющим схожесть образов животных в пословицах, на наш взгляд, является идентичность морально-нравственных качеств личности. В целом исследование истоков пословиц и их анализ позволяет лучше понять историю, культуру народов, помогает строить диалог культур.

Перспективы дальнейших исследований мы видим в изучении употребления зоонимов в русском и турецком языках для выяснения общих проблем и закономерностей языкового общения, поскольку данный слой лексики в большей степени характеризуется национальной специфичностью.

Список литературы

1. **Афанасьев, А. Н.** Происхождение мифа / А. Н. Афанасьев. – М. : Высш. шк., 1996. – 150 с.
2. **Балли, Ш.** Французская стилистика / Ш. Балли. – М. : Высш. шк., 1961. – 394 с.
3. **Бичер, О.** Особенности функционирования зоонимов лиса и волк в русской и турецкой фразеологии / О. Бичер // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 8(50) : в 3 ч. Ч. 3. – С. 152–155.
4. **Глазунова, О. И.** Логика метафорических преобразований / О. И. Глазунова. – СПб. : СПбГУ, 2000. – 190 с.
5. **Турецко-русский словарь** / сост. А. Н. Баскакова, Н. П. Голубева, А. А. Кямилева. – М. : Рус. яз., 1977. – 966 с.

Nehayeva Ye. A.

**Features of Functioning of Zoonyms in Proverbs
in the Turkish Language**

The article provides a comparative analysis of the similarities and differences of proverbs with zoonyms in Russian and Turkish as an instrument of intercultural communication. The determination of the meanings of basic zoonyms is carried out; examples of definitions of the meanings of basic zoonyms are given. The author comes to the conclusion that the determining factor of the similarity of animal images in the proverbs of different nations is the identity of moral and ethical qualities of a person.

Key words: zoonym, figurative meaning, translation, Turkish, proverb.

Пантыкина Наталья Игоревна,
канд. пед. наук,
доцент кафедры английской и восточной
филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ»,
pantykina.natalia@yandex.ru

Интертекстуальность в художественном тексте: теоретический аспект

В статье рассматривается интертекстуальность как сложный литературный прием в художественном тексте. Автор путем теоретического анализа определяет дефиниции интертекстуальности, а также выделяет разные точки зрения ученых по исследованию данного понятия. Приводятся примеры интертекстуальности в художественных произведениях для глубокого понимания этого феномена.

Ключевые слова: *интертекстуальность, литературное произведение, теоретический аспект, художественный текст, цитирование.*

Изучение понятия «интертекстуальность» является вопросом дискуссионным, поскольку оно обусловлено многоаспектностью и включает в себя различные трактовки ученых, но можно утверждать, что это сложный литературный прием, использующий текстовую ссылку внутри некоторого объема текста, который снова отражает текст, используемый в качестве ссылки. Вместо использования отсылочных фраз из разных литературных произведений интертекстуальность опирается на концепцию, риторику или идеологию из других произведений, которые должны быть объединены в новом тексте. В общем смысле это может быть пересказ старой истории или переписывание популярных историй в современном контексте, например, Дж. Джойс пересказывает «Одиссею» в своем модернистском романе «Улисс».

Целью данной статьи является теоретический анализ интертекстуальности в художественном тексте.

Следует обозначить, что впервые употребил в своей работе термин «интертекстуальность» французский филолог-постструктуралист Ю. Кристева в 1967 году, а потом он стал активно включаться в литературоведческую практику. По ее мнению, «любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст – это впитывание и трансформация какого-либо другого текста» [3, с. 167].

Однако концепция интертекста и интертекстуальности разрабатывалась задолго до появления дефиниций в ранних трудах русского литературоведа, теоретика литературного и культурного эстетизма М. М. Бахтина. По его мнению, «даже прошлые, то есть рожденные в диалоге прошедших веков, смыслы никогда не могут быть стабильными (раз и навсегда завершенными, конечными) – они всегда будут меняться (обновляться) в процессе последующего, будущего развития диалога» [2, с. 373].

Учитывая то, что первенство в употреблении данного термина принадлежит Ю. Кристевой, при его раскрытии из исследования в исследование повторяется трактовка Р. Барта. Любой текст, отмечал Р. Барт, соткан из цитат, отсылок, отзвуков, и «все это языки культуры», «старые и

новые, которые проходят сквозь текст и создают мощную стереофонию». «Всякий текст есть между-текст по отношению к какому-то другому тексту, но эту интертекстуальность не следует понимать так, что у текста есть какое-то происхождение; всякие поиски «источников» и «влияний» соответствуют мифу о филиации произведения, текст же образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат – из цитат без кавычек» [1, с. 418].

По нашему мнению, следует выделить исследования по интертекстуальности таких ученых, как Э. Девитт и Ч. Базерман. Они рассматривают интертекстуальные отношения как социальную практику, как более или менее устойчивые условности определенного дискурсивного сообщества. Так, при анализе текстов налоговых бухгалтеров авторы обнаружили, что все жанры, используемые сотрудниками, имеют прочные интертекстуальные связи с юридическим налоговым кодексом, но эти интертекстуальные связи отображаются и используются по-разному в разных странах. В свою очередь, Ч. Базерман сравнивает риторическое изложение цитируемых статей в современных научных статьях с текстами оригинальных статей, чтобы выявить способы, с помощью которых авторы конструируют интертекстуальное поле, чтобы позиционировать свои собственные аргументы. В своей работе Ч. Базерман выдвигает основные концепции и процедуру анализа интертекстуальности. Основные концепции, которые он описывает, включают уровни интертекстуальности, методы интертекстуальной репрезентации, интертекстуальную дистанцию или охват, а также перевод через контексты / реконтекстуализацию [4].

Основные положения и процедуру анализа интертекстуальности Ч. Базермана можно кратко резюмировать следующим образом:

- определите, с какой целью вы проводите интертекстуальный анализ и на какие вопросы вы надеетесь ответить, выполняя его;
- определите конкретные тексты, которые вы хотите изучить; другими словами, определите свой корпус;
- выявите следы других текстов, изучив явные ссылки на других авторов;
- начните делать наблюдения и интерпретации, рассматривая ссылку в связи с контекстом того, что говорит автор;
- ищите более тонкие подсказки для достижения ваших аналитических целей;
- начните искать закономерность, исходя из которой вы сможете начать делать выводы [4].

Ученый утверждает, что «интертекстуальность – это не просто вопрос того, на какие другие тексты вы ссылаетесь, но и того, как вы их используете, для чего вы их используете и, в конечном счете, как вы позиционируете себя как автора, чтобы сделать свое собственное заявление» [4].

Исследователь Дж. Портер в своей статье «Интертекстуальность и дискурсивное сообщество» описывает разновидности интертекстуальности. Он разделяет два типа интертекстуальности: повторяемость и presupposition. Повторяемость относится к «повторяемости» определенных текстовых фрагментов, к цитированию в самом широком смысле, включающему не

только явные намеки, ссылки и цитаты в рамках дискурса, но и необъявленные источники и влияния, клише, крылатые фразы и традиции. Иными словами, каждый дискурс состоит из «следов», фрагментов других текстов, которые помогают сформировать его смысл. Пресуппозиция относится к предположениям, которые текст делает относительно своего референта, своих читателей и своего контекста – к тем частям текста, которые читаются, но которых явно «там нет». Тексты не только ссылаются на другие тексты, но и фактически содержат их [6].

В нашем исследовании следует указать на то, что ученые придерживаются такой точки зрения, что интертекстуальность можно разделить на три вида: обязательную, необязательную и случайную [8]. Эти виды зависят от двух ключевых факторов: намерения автора и значимости ссылки. Например, английский поэт У. Блейк намеренно использует свои знания христианской Библии и ссылается на темы из этого текста, используя такие слова, как “thee”, “thou” и “thy”.

Приведем наглядные примеры трех видов интертекстуальности. Для описания обязательной интертекстуальности посмотрим на пьесу Т. Стоппарда «Розенкранц и Гильденстерн мертвы», в которой повествуется о событиях, описанных в трагедии У. Шекспира «Гамлет». Именно в «Гамлете» мы впервые встречаем персонажей как второстепенных, и по мере развития сюжета Розенкранца и Гильденстерна конкретные сцены из «Гамлета» фактически исполняются и рассматриваются с другой точки зрения. Такое понимание текста в «Гамлете» придает более глубокий смысл, поскольку многие неявные темы Розенкранца и Гильденстерна более узнаваемы в «Гамлете» У. Шекспира [6].

Что касается использования необязательной интертекстуальности, то это может быть чем-то таким же простым, как параллельные персонажи или сюжетные линии. Например, серия романов Дж. Роулинг о Гарри Поттере имеет много общего с трилогией Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец». Они оба прибегают к помощи стареющего наставника-волшебника (профессора Дамблдор и Гэндальф) и формируется ключевая группа дружбы, чтобы помочь главному герою (невинному юноше) в их трудном стремлении победить могущественного волшебника и уничтожить могущественное существо. Дж. Роулинг, скорее всего, находилась под влиянием других художественных и фэнтезийных романов; однако эта связь не является жизненно важной для понимания романов о Гарри Поттере [6].

Часто при чтении книги или просмотре фильма в сознании зрителя возникает воспоминание, поэтому здесь мы можем указать на случайную интертекстуальность. При прочтении романа американского писателя Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый кит» читатель может использовать свой предыдущий опыт, чтобы установить связь между размером кита и размером корабля. Другой читатель мог бы найти глубокую связь с библейской аллегорией «Иона и Кит» просто из упоминания о человеке и целом. Хотя в намерения Г. Мелвилла не входило создавать эти ссылки, читатели сами установили эти связи [6].

Исходя из этого, можем отметить, что большинство писателей заимствуют идеи из предыдущих работ, чтобы придать смысл своим собственным произведениям. Фактически, когда читатели читают новый

текст с размышлениями о другом литературном произведении, все связанные с ним предположения, эффекты и идеи другого текста придают им другой смысл и меняют технику интерпретации оригинального произведения. Поскольку читатели черпают вдохновение из других текстов, а при чтении новых текстов они просматривают архивы, это устройство придает им актуальность и проясняет их понимание новых текстов [5]. Для писателей интертекстуальность позволяет им открывать новые перспективы и возможности для построения своих историй. Таким образом, авторы могут исследовать определенную идеологию в своем повествовании, обсуждая недавнюю риторику в оригинальном тексте. Приведем несколько примеров интертекстуальности в художественном тексте.

У. Голдинг в своем романе «Повелитель мух» косвенно заимствует сюжет из «Острова сокровищ», написанного Р. Л. Стивенсоном. Однако У. Голдинг использовал концепцию приключений, которыми любят заниматься маленькие мальчики на изолированном острове, на котором они оказались. Он превращает повествование в поучительную историю, отвергая прославленные рассказы Р. Л. Стивенсона об исследованиях и перегибах. Вместо этого У. Голдинг основывает этот роман на горьком реализме, демонстрируя негативные последствия дикости и борьбы, которые могут завладеть человеческими сердцами, потому что персонажи утратили представление о цивилизации [4].

Так, К. С. Льюис адаптирует идею распятия Христа в своем фантастическом романе «Лев, колдунья и платяной шкаф». Он очень пронцательно сплетает воедино религиозные и развлекательные темы для детской книги. Автор использует важное событие из Нового Завета, превращая его в историю об искуплении. При этом он использует Эдмунда, персонажа, который предает своего спасителя Аслана. Как правило, мотивом этой темы является введение других тем, таких как злые поступки, потеря невинности и искупление [4].

Таким образом, интертекстуальность предлагает мост или интерфейс между культурным контекстом и текстом. Интертекстуальный анализ позволяет нам увидеть «общую картину» текста с точки зрения того, каковы его значения и как они соотносятся с другими значениями, распространенными в обществе и обрамляющими конкретный текст. Благодаря этому читатель может понять замысел писателя через сюжетные, образные, культурные ассоциации и аналогии.

Список литературы

1. **Барт, Р.** Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
2. **Бахтин, М. М.** Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Рипол Классик, 1979. – 424 с.
3. **Кристева, Ю.** Избранные труды: разрушение поэтики / Ю. Кристева. – М. : РОССПЭН, 2004. – 656 с.
4. **Bazerman, C.** Intertextuality: How Texts Rely on Other Texts / Charles Bazerman. – Text : electronic // Semantic Scholar : [website]. – URL: <https://bazerman.education.ucsb.edu/sites/default/files/docs/Bazerman2004ChapIntertextuality.pdf> (date of application: 25.08.2023).

5. **Porter, J. E.** Intertextuality and the Discourse Community / James E. Porter // Rhetoric Review. – 1986. – Vol. 5, № 1. – P. 34–47.
6. **Fitzsimmons, J.** Romantic and contemporary poetry : readings / J. Fitzsimmons. – Text : electronic // LITR19049 – Romantic and Contemporary Poetry : [website]. – URL: <https://handbook.cqu.edu.au/he/units/view/LITR19049> (date of application: 25.08.2023).

Pantykina N. I.

Theoretical Aspects of Intertextuality in Literary Texts

The article deals with intertextuality as a complex literary technique in literary texts. The author outlines the definitions of intertextuality by means of theoretical analysis and also identifies the scholars' concepts of this term. The examples of intertextuality are given and explained.

Key words: *intertextuality, literary work, theoretical aspect, literary text, citation.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

УДК 929 Дж.Бром : 7.046.2:821.111(73)

Бондаренко Кристина Александровна,
ст. преподаватель кафедры
английской и восточной филологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
krissta26@mail.ru

Эстетика мрачности в творчестве Дж. Брома

В статье рассматривается творчество американского писателя «темных» сказок Джеральда Брома через призму мрачной эстетики, которая преобладает в его работах. Также анализируются компоненты мрачной эстетики, на которых строятся все сюжетные линии в работах писателя-художника, и атмосфера произведения в целом.

Ключевые слова: *мрачная эстетика, Джеральд Бром, тёмные сказки, хронотоп, антагонист.*

Американский писатель Джеральд Бром, или как автор сам себя просит называть просто БРОМ, обладает уникальным и неповторимым литературным шармом, ведь автор не только создаёт удивительные, фантастические миры, окутанные загадкой, мистикой и ужасом, но также и является иллюстратором к своим романам. Работы автора всегда неоднозначны из-за флёра мрачности, готичности, а порой излишнего пессимизма, которые и выделяют БРОМА среди писателей в жанре мрачного фэнтези, поэтому не каждому читателю его работы по душе. Однако даже сам автор отмечает, что его произведения пишутся в жанре, в котором больше никто сегодня не работает – «темные» или «мрачные сказки», поэтому изучение такого необычного литературного веяния вызывает огромный интерес в области не только литературоведения, культурологии, но также в более узкопрофильных областях – изобразительное искусство, скульптура, эстетика.

Творческий путь писателя-художника довольно своеобразен, и, хотя БРОМ на западе известен больше как художник, стоит отметить авторов, которые работают в похожих направлениях и занимались исследованием эстетики мрачности в литературе: М. Вэлш, Л. Голдстэйн, Т. Госс, М. Джонс, Дж. Нэйман, Е. Харви, Р. Хэндерсон и др.

Целью данного исследования является анализ творчества писателя-фантаста Дж. Брома, а также его уникального стиля, который реализуется за счет эстетики мрачности и собственных «темных» иллюстраций.

В «темных сказках» БРОМА эстетика мрачности достигается благодаря нескольким компонентам.

Главный герой зачастую является антагонистом, персонажем с отрицательным набором качеств, личностью с мрачным прошлым, совершившим непоправимую ошибку (Джесс Уокер «Крапмус, повелитель

Йоля» – неудачник-музыкант; Чет Моран «Потерянные Боги» – бывший заключенный; Ник «Похититель детей» – сирота, мальчик-бродяжка с тяжелой судьбой).

Рис. 1. Ламия Моран («Потерянные Боги»), БРОМ

Мифологические аллюзии. Писатель в каждом своем произведении обращается к мифам разных народов, но самое интересное, что он выбирает именно мрачные сами по себе мифы по содержанию: либо с плохим концом, либо ссылается на характерных злодейских персонажей, в конце концов, переиначивает их так, что не всегда просто узнать. Так, в «Потерянных Богах» можно увидеть аллюзии на древнегреческий миф о Ламии. **Лáмия** (с латинского *Lamia* или древнегреческого Λάμια) – хтоническое существо имеет лицо прекрасной женщины, иногда верхнюю часть тела, но низ может принадлежать змее или пауку [6, с. 37] (бабушка Чета – ведьма и её имя Ламия Моран). Также по иллюстрациям БРОМА (Рис. 1) можно определить связь с **полесской ведьмой** и сербским поверьем об **вештице** (с сербского: вештечарка, мацијарка; или с северо-сербского: чињарица, чинилица, вјештица; южно-сербский: мађијушница мађешница) [6, с. 32], волосы у бабушки главного героя седые словно снег (у полесской ведьмы отличительная черта: неопрятные, седые косы, а вештица – седовласая старуха, к тому же, согласно мифологии, вештица пьёт кровь детей, как и бабушка-ведьма Чета). Кроме этого, можно наблюдать еще одну мифологическую аллюзию на древнеславянское божество – **Велеса** (Вéлес, Велés, с древнерусского – Велесь, Волось, божество, «скотий бог») [8, с. 281], только изображается он в виде огромного оленя. БРОМ изображает своего Велеса как предводителя «загробных гринписевцев». Также образ языческого божества прослеживается и в другом романе автора, а именно в «Косиног. История о колдовстве», где один из главных героев – Самсон, божество леса и покровитель живых существ (лесных жителей, животных). И стоит отметить еще одну аллюзию в произведении «Вырывашка», где образ главного монстра является отсылкой на мифическое существо из фольклора западной Африки – **Абику**, в переводе с йоруба «рождённый, чтобы умереть» – злой демон в западноафриканской

религиозной традиции. В мифологии йоруба представления об Абику тесно переплетаются с таинством вынашивания и рождения ребёнка.

Локализация компьютерных игр в художественные произведения. Так как Дж. Бром является также и гейм-дизайнером фэнтези-игр, таких как: Doom I и II, Heretic I и II, которые, в свою очередь, отличаются особой мрачностью и даже жестокостью, во многих персонажах автора (или даже в сюжетно-фабульной составляющей) можно проследить определенные характеристики, присущие больше геймерскому повествованию, чем литературному произведению (например, Чет Моран в «Потерянных Богах» единственный во всем загробном паноптикуме знает, что ему нужно найти, у кого спросить дорогу и как себя вести, если вдруг попадаешь в беду). Автор легко позволяет читателю стать тем самым героем «Потерянных богов», градус погружения в атмосферу и правда очень высок, но при этом до самого финала лишает его возможности сопереживать протагонисту. То есть, за него легко «играть» в мире книги, что отображает больше игровое поле, чем книгу для читателя.

Апофеоз ночного кошмара или страха. Каждый человек боится в той или иной степени чего-нибудь, и БРОМ легко спекулирует в работах на страхах читателей, вызывая жуткую, мрачную, даже порой готическую атмосферу. В иллюстрированном романе «Вырывашка» писатель обращает внимание на страх, который был у большинства в детстве, перед «монстром под кроватью», так он создает мир «Подкроватье», где живет ужасный монстр Абику или «Вырывашка». Художник переводит страх в константу, а также возводит его в абсолют благодаря картинам, которые вызывают жуткие ощущения.

Особый хронотон в повествовании. В каждом произведении писателя присутствуют как минимум две временных шкалы (общая сюжетная кривая и флешбэк, или персонализирующая кривая, которая выстраивает особую художественную геометрию повествования). Так, в произведении «Косиног. История о колдовстве» сюжет строится на двух временных категориях (Самсон – раскрываются его воспоминания; Абита – основная линия истории). В «Потерянных Богах» Чет путешествует в загробном мире в то время, как его жена проживает жизнь в мире смертных, две линии идут параллельно, но в то же время каждая сопровождается дополнительными или вспомогательными сюжетными поворотами (воспоминания или фантазии). В «Вырывашке» есть сюжетная кривая «реальность» и вторая линия «Подкроватье» или мир игрушек, где реализуется мир детских фантазий, страхов и прочее.

Готическая красота. Еще один компонент творчества писателя. Согласно немецкому искусствоведу Г. Люцлеру, «готика – это отчаянное стремление к красоте» [7, с. 58], поэтому в работах БРОМА красота сюжета или персонажа настолько красиво отчаянна и одновременно мрачно-пессимистична. В этом аспекте хочется выделить идеал готической красавицы, потому что именно через эстетику женской готической красоты бромовские героини реализуют больший процент сюжета. И тут следует выделить влияние исторического образа Изабеллы Баварской как идеала женщины готического направления: красивыми считались бледный цвет лица, стройная «лебединая (змеиная) шея» и высокий чистый лоб. Для удлинения овала лица дамы выбривали

волосы надо лбом и выщипывали брови, а для того, чтобы шея казалось длиннее, брили затылки. Высокий выпуклый лоб был модным, и для его создания волосы надо лбом и затылком (для создания эффекта длинной шеи) иногда подбрасывали на два, а то и четыре пальца, а брови выщипывали [7, с. 58]. Бром изобразил Ламию (бабушку Чета «Потерянные Боги») как готическую аристократку итальянских кругов XIV века.

С другой стороны, отчетливо прослеживается влияние субкультуры Готы (с англ. *Goths* – «готический») в пессимистично настроенных героинях, а также в их нарядах, да и в мужских также можно наблюдать влияние данного направления [7, с. 57].

Рис. 2. Абита («Косиног. История о колдовстве»), БРОМ

Визуализация. Как говорилось ранее, Джеральд Бром не просто писатель, но также и гейм-дизайнер, однако в первую очередь художник-иллюстратор, поэтому у автора настолько подробные описания героев, их внешняя характеристика и даже обстановка, которая окружает персонажей, что позволяет в голове нарисовать живую, тщательно прорисованную фантазией писателя и читателя картину («Насчет “лицом миловидна”...если так, об этом ей, при её-то бесовском, проказливо задранном кверху носе и щеках, в припадках буйства краснеющих, а на морозе вовсе расцветающих маковым цветом, раньше никто не говорил». Косиног. История о колдовстве, Рис. 2) [2, с. 11].

Любовь. Несмотря на мрачную, порой тяжелую и излишне кроважандную атмосферу, даже у БРОМА есть место для такого светлого чувства, как любовь.

В каждом произведении или иллюстрированном романе автора есть любовная линия. Например, в «Вырывашке» – это Джек и Девушка-Ангел, в «Потерянных Богах» есть пара Чета Морана и Триш Уилсон (эта пара вообще аллюзия на «Ромео и Джульетту»); Абита и Эдвард, пара из романа «Косиног. История о колдовстве». Также еще одна любовная линия в произведении –

Джесс и Изабель (хотя здесь тонкая грань между дружбой и любовным интересом).

Джеральд Бром – художник, пишущий книги, или писатель, пишущий картины. Автор, словно сложная мозаика, неповторимый, уникальный, как и его работы, создал особый жанр «тёмные сказки». И хотя в романах мы и встречаемся со своими страхами, узнаем много жуткого и мрачного, БРОМ дает почву для размышления: не все белое – всегда хорошо и не каждый злодей может быть плохим. Однако, как и всегда, даже в произведениях мрачного писателя, любовь преодолевает все, и ей покоряется даже тьма, что лишней раз подчеркивает очарование и шарм мрачной бромовской эстетики в современной литературе фэнтези.

Подводя итог, можно отметить, что такой оригинальный писательский стиль, которым обладает БРОМ, только сильнее вызывает интерес у современных читателей, тем самым способствуя расширению их кругозора и фоновых знаний, что, соответственно, даёт почву для дальнейших исследований в области литературы и культурологии.

Список литературы

1. Бром, Дж. Вырывашка : [фантаст. роман] / Дж. Бром. – М. : АСТ, 2022. – 160 с.
2. Бром, Дж. Косиног. История о колдовстве / Дж. Бром. – М. : АСТ, 2021. – 480 с.
3. Бром, Дж. Крампус, повелитель Йоля / Дж. Бром. – М. : АСТ, 2019. – 480 с.
4. Бром, Дж. Потерянные Боги / Дж. Бром. – М. : АСТ, 2016. – 576 с.
5. Бром, Дж. Похититель детей / Дж. Бром. – М. : АСТ, 2019. – 624 с.
6. Виноградова, Л. Н. Общее и специфическое в славянских поверьях о ведьме / Л. Н. Виноградова // Образ мира в слове и ритуале: Балканские чтения – I : [сб. ст. / редкол.: Злыднева Н. В. и др.]. – М., 1992. – С. 58–73.
7. Невский, Б. А. Жанры: готика в книгах и фильмах / Б. А. Невский // Мир фантастики. – 2004. – № 12. – С. 56–61.
8. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : ЛД ИНВЕСТ : Азбуковник, 2003. – 890 с.
9. Brom, G. Lost Gods : A Novel / Gerald Brom. – New York : Harper Voyager, 2016. – 496 p.
10. McConnell, S. A. The poet and the vampire: The curse of Byron and the birth of literature's greatest monster / S. A. McConnell. – New York : Pegasus books, 2014. – 434 p.

Bondarenko K. A.

Aesthetics of Darkness in J. Brom's Works

The article discusses the work of the American writer of «dark» fairy tales, Gerald Brom, through the prism of the dark aesthetics that dominates the author's works. The components of the dark aesthetics on which all plot lines in the works of the writer-artist are built, and the atmosphere of the work as a whole are also analyzed.

Key words: dark aesthetics, Gerald Brom, dark fairy tales, chronotope, antagonist.

Дворцова Александра Николаевна,
ст. преподаватель кафедры английской
и восточной филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ»,
sdvorcova@gmail.com

Попаданство как источник интертекстуальности в романах Евгении Сафоновой (на материале романов цикла «Мир Тофрахеим»)

В статье описаны особенности попадания как источника интертекста в романах Евгении Сафоновой из цикла «Мир Тофрахеим», а также аллюзии, выявленные в ходе анализа текстов и образов персонажей. Особое внимание уделено специфике репрезентации аллюзий на русскую и мировую художественную культуру в исследуемых произведениях автора: романе «Риджийский гамбит. Дифференцировать тьму» и дилогии «Некроманс».

Ключевые слова: современная русская литература, Евгения Сафонова, фэнтези, попаданство, интертекст, аллюзии.

Интертекст в произведениях жанра фэнтези представляет научный интерес за счет того, как именно в художественное пространство текста вписываются автором аллюзии. Сущность данного тропа мы, вслед за Д. М. Дреевой и Р. М. Асланян, трактуем как косвенную отсылку «к литературным текстам, определенным историческим, культурным, биографическим и другим фактам, воздействующим на память и интеллект читателя, побуждая его идентифицировать высказанную автором идею, иногда неявно выраженную» [1, с. 22].

Подход к выделению критериев для классификации аллюзий в разных исследованиях вариативен, в рамках данной статьи мы будем опираться на классификацию А. Г. Мамаевой, которая предлагает разделение, исходя из их значимости для восприятия художественного текста. Исследовательница выделяет две группы аллюзий: доминантные, т. е. универсальные для данного текста в целом и способствующие раскрытию авторской идеи в рамках всего произведения, и локализованные (фрагментарно значимые), т. е. функционально важные в отдельном фрагменте текста и не обеспечивающие смысловую целостности текста [2]. Каждая из этих групп включает такие подгруппы, как аллюзии-имена, аллюзии-цитаты, аллюзии-упоминания реалий и событий (библейских, мифологических и т. д.).

Е. С. Сафонова является современным российским автором произведений в жанре фэнтези, характерной чертой которых можно назвать аллюзии на наследие русской и мировой художественной культуры, науки. Создавая собственные миры, писательница вносит в них приметы времени и окружающей нас реальности, благодаря использованию приема, именуемого в отечественной литературной традиции «попаданство» (в англоязычной литературной традиции – *accidental travel*).

Целью написания данной статьи является изучение творчества Е. С. Сафоновой в контексте специфики интертекста, создаваемого при

помощи данного литературного приема, а также описание особенностей аллюзий на русскую и мировую культуру в романах цикла «Мир Тофрахеим». Это позволит углубить знания об особенностях интертекста в произведениях жанра фэнтези, создаваемых современными российскими авторами.

Согласно данным «Словаря современного читателя», формируемого на сайте издательства «Эксмо», «попаданство» определяется как распространенный прием для произведений в жанрах фэнтези и фантастика, благодаря которому герой произведения тем или иным образом (при помощи технических приспособлений, магии или других средств) переносится в параллельный мир или другую историческую эпоху [6]. Таким образом, существенной частью сюжета подобных произведений становятся особенности взаимодействия персонажа с миром, в котором он оказывается: адаптация к новым условиям; интеграция во взаимодействие с новым окружением или попытки ему противостоять; попытки влияния на устройство нового мира, исходя из знаний, умений и навыков, приобретенных до попадания в него.

Именно попаданство главных и второстепенных героев романов цикла «Мир Тофрахеим» позволяет Е. С. Сафоновой активно встраивать в текст произведений отсылки к реальной действительности, при этом характер интертекстуальных аллюзий в рамках произведения определяется особенностями персонажей. Также следует отметить, что области компетенции персонажей-попаданцев во многом связаны с личностью автора: у Е. С. Сафоновой есть музыкальное образование, опыт редактора журнала «Игромания», связанного с компьютерными играми, а обилие литературных отсылок в текстах связано с её деятельностью литературного и выпускающего редактора в издательстве «Эксмо». Таким образом, создаваемые автором персонажи «заимствуют» часть опыта автора, реализуя его на страницах романов. Далее мы представим особенности доминантных и локализованных аллюзий, формирующих поле интертекста романов «Риджийский гамбит. Дифференцировать тьму» и дилогии «Некроманс».

Название дилогии «Риджийский гамбит» можно рассматривать как аллюзию на роман Б. Акунина «Турецкий гамбит»: их роднит связь с военными действиями; в нем также заключена доминантная для истории аллюзия на шахматную партию. В первой части дилогии («Риджийский гамбит. Дифференцировать тьму») фигурируют три героини, попавших в Риджию из России: Снежана (Снежка, Сноуи) – студентка второго курса факультета вычислительной математики и кибернетики МГУ, которая обладает аналитическим складом ума, одаренностью в области математики и программирования, а также является геймером; Кристина (Криста) – обычная девушка из Санкт-Петербурга, которая, не поступив в университет, решила временно устроиться на работу кассиром в магазин; Маша (Мари) – сокурсница Снежаны, каждую свободную минуту проводящая за чтением книг, нередко – в жанре фэнтези, которая становится свидетелем падения Снежаны в реку, из-за которого происходит путешествие между мирами.

В силу того, что главной героиней является именно Снежана, доминантные аллюзии данного романа обуславливаются её багажом знаний и культурных отсылок: так, названия некоторых глав отсылают к игре в шахматы («Закрытый дебют», «Комбинация на завлечение», «Ловушка для ферзя», «Погоня любви», «Доминанция белых»), которая является увлечением

девушки и оказывается ценным навыком в Риджии. В целом, в романе разворачивается противостояние Света и Тьмы накануне очередной войны друу с союзом людей, эльфов и лепреконов, которое во многом перекликается с партией в скаук (так называется в новом мире аналог шахмат).

Внутренний монолог героини является источником большей части локализованных аллюзий, в них содержатся отсылки к текстам литературы («Достоевский, конечно, писал про некую комнатку с пауками, а крохотная пещерка является достойной альтернативой... но вряд ли к ней прилагались бы друу, колдуны и белокурые девицы, смахивающие на эльфиек» [5, с. 18]), аллюзии-имена философов (Кант, Гегель и др.), писателей (Дж. Остин, М. Митчелл и др.), литературных персонажей (Саруман), знаменитостей (М. Монро); отсылки к геймерской субкультуре (сленгизмы – «гамать», «кодить», «читерство»; названия игр – «Left in space»; имена геймдизайнеров – Йоко Таро, Хидео Кодзима); реалии мировой культуры (Премия Дарвина, мобильный телефон, путь героя); математические понятия (теоремы Гёделя о неполноте).

В свою очередь, название дилогии «Некроманс» содержит доминантные аллюзии на два сюжетобразующих для данного произведения явления – смерть (некромантия как почитаемый вид магии, которым владеет главный герой, Гербуэрт тир Рейоль; культ Жнеца Милосердного) и музыку (музыкальная магия, которой будет владеть Ева Нельская; музыка как вид искусства вне магии).

Генерирующие интертекст в рамках данной дилогии герои, попавшие в соседнее с Риджией государство – Керфи, представлены еще одной россиянкой Евой Нельской («Семнадцать лет, виолончелистка, студентка третьего курса небезызвестного московского музыкального колледжа» [3, с. 12]), а также Мэтлассом, демоном из Межгранья, который обладает всеведением, имея доступ к культурно-историческому коду всех миров и времен («Знаешь, девочка, каково это – видеть всё? Ведать всё? ... Вам кажется долгой ваша жизнь – я вижу, как исчезают горы, и цивилизации обращаются в прах. Вы думаете, что мир вертится вокруг вас – я вижу, что целые планеты суть ничто в сравнении с Вселенной. ... Как думаешь, велика вероятность при таком раскладе остаться в здравом уме? В установленной вами степени здравости?» [3, с. 135]).

Ввиду того, что главной героиней дилогии является девушка с музыкальным образованием, доминантные аллюзии в тексте будут связаны с музыкой. Так, названия всех глав представлены музыкальными терминами и задают тон тексту, формируя ожидания читателя (например, «Doloroso» – горестно; «Marziale» – воинственно; «Apotheosis» – апофеоз; «Ripieno» – всем оркестром). Локализованные музыкальные отсылки связаны с контекстуальным упоминанием по ходу повествования фамилий композиторов (Рахманинов, Шуберт, Олгар, Бах, Шопен и др.) и названий групп (Coldplay, One Republic, Apocalyptica), произведения которых призваны передать внутренние переживания героини.

Для линии отношений Евы и Гербуэрта важную роль играют аллюзии на японскую культуру: аниме («Ходячий замок Хаула», «Тоторо», «Волчица и пряности» и др.) и музыкальные композиции (Masayoshi Yamazaki «One more time, One More Chance», OST «Spice & Wolf» и др.) становятся маркерами

перемен во взаимовосприятии персонажей. Ева нередко сравнивает Гербуэрта с Хаулом, волшебником из экранизации романа Д. У. Джонс «Ходячий замок».

Присутствуют в тексте диалогии и литературные аллюзии, как на прецедентные образы (Питер Пэн, Ватсон, Мать Драконов и др.), так и на известные произведения («Игра престолов» Дж. Мартина, «Божественная комедия» Данте, «Игра в бисер» Гессе и др.).

Помимо этого, в мир Тофрахеим проникают и адаптируются к местным реалиям современные земные технологии (смартфон и планшет Евы) и продукты (попкорн, потребляемый Мэтом в особенно зрелищные моменты сюжетных перипетий). В романе фигурируют отсылки к онлайн-коммуникации, которая стала для современной земной молодежи привычным форматом документирования реальности: «Не то Ева уже закрепила бы друзьям всю ленту инсты и твиттера, с хэштегом #мирдолжензнатьчтоязомби» [3, с. 42].

Интересным для нашего исследования представляется прием замены в речи героини обцененной лексики на выражения из области музыкальной терминологии, что также расширяет поле интертекста романа: например, «Дубль дизз!», «Двойной доминанты терцквартаккорд с повышенной примой и пониженной квинтой».

Во втором томе диалогии «Некроманс», вместе с риджийской делегацией, в Керфи прибывают Снежана, которую теперь зовут Сноуи, ставшая придворным знаменосцем и Белой Ведьмой на службе правителя дроу Альянэла, и Кристина, сменившая имя на Кристаэль и ставшая супругой эльфийского правителя Дэнимона [4, с. 360–361]. Их появление в тексте произведения создает доминантные аллюзии в рамках вселенной мира Тофрахеим, отсылая читателя к событиям диалогии «Риджийский гамбит», а параллельно с этим актуализует характерные для их опыта аллюзии на реалии земной жизни.

Главным образом аллюзии сконцентрированы в общении Евы и Снежаны, которая в годы учебы в Москве была поклонницей творчества старшей сестры Евы: «Ваша сестра. Дина “Эленвэ” Нельская. Киберспортивный комментатор. У меня есть... был... плакат с подписями русских талантов, и её в том числе, – сказала Снежана. – Я геймер... была в том мире, вернее» [4, с. 367]. С появлением Белой Колдуньи в тексте также появляется научная терминология (например, бритва Оккама: «в современной науке под бритвой Оккама обычно подразумевают тезис “простейшее всегда лучшее”» [4, с. 367]; проблема Кука-Левина: «...на проверку любого решения уходит больше времени, чем на решение самой задачи» [4, с. 390]) и геймерская лексика (кодить, игра Doom).

Исходя из приведенных выше примеров, можно констатировать, что интертекстуальность в романах Е. С. Сафоновой главным образом обусловлена феноменом попадания и построена на особенностях личного опыта и культурного багажа героинь-попаданок. Доминантные и локализованные аллюзии в произведениях напрямую зависят от героини, оказывающейся в центре повествования, и выполняют следующие задачи: позволяют сформировать у читателя ожидания от текста (аллюзии в названиях романов); структурировать пространство текста (названия глав); дают упрощающее восприятие фэнтезийной реальности аналогии и отсылки к мировой и отечественной художественной культуре, связывая выдуманный

мир с личным опытом и культурным багажом читателя. Особенности аллюзий романов цикла «Мир Тофраheim» являются: связь поля аллюзий с личным опытом и компетенциями автора; прямая зависимость доминантных аллюзий текста от индивидуальности главного героя; преобладание локализованных отсылок к мировой культуре (западной и восточной) над аллюзиями на русскую культуру. В заключение хотелось бы отметить, что в печатном варианте дилогии «Некрманс» интертекст частично переведен на уровень гипертекста: через QR-коды можно получить доступ к музыкальным произведениям, упоминаемым в романе, что позволяет говорить о переносе аллюзий в романе на новый уровень и о новых тенденциях в отечественном книгоиздании.

Список литературы

1. Дреева, Д. М. Аллюзия как знак интертекста. К содержанию понятия / Д. М. Дреева, Р. М. Асланян // Язык и культура как национальное достояние в поликультурной среде: основные тенденции языковой политики в современном мире (Языковое строительство, языковое развитие, языковая ситуация) : сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф., Владикавказ, 26 нояб. 2021 г. / [отв. ред. М. И. Баликовой]. – Владикавказ, 2022. – С. 19–26.
2. Мамаева, А. Г. Лингвистическая природа и стилистические функции аллюзии : (на материале англ. яз.) : спец. 10.02.04 «Германские яз.» : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Мамаева Алиса Герцевна ; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза. – М., 1977. – 24 с.
3. Сафонова, Е. С. Некроманс. Opus 1 / Е. С. Сафонова. – М. : Эксмо, 2022. – 480 с.
4. Сафонова, Е. С. Некроманс. Opus 2 / Е. С. Сафонова. – М. : Эксмо, 2022. – 544 с.
5. Сафонова, Е. С. Риджийский гамбит. Дифференцировать тьму / Е. С. Сафонова. – М. : Эксмо, 2023. – 448 с.
6. Попаданство. – Текст : электронный // Эксмо: издательская группа – Словарь современного читателя : [сайт]. – URL: <https://eksmo.ru/slovar/popadanstvo/> (дата обращения: 05.09.2023).

Dvortsova A. N.

The accidental travel as a source of intertextuality in the novels of Evgenia Safonova (based on the cycle «The World of Tofraheim»)

The article describes the peculiarities of accidental travel as a source of intertextuality in the novels from the cycle «The World of Tofraheim» by Evgenia Safonova, as well as allusions identified in the novels of the cycle «The World of Tofraheim». It also demonstrates allusions revealed in the process of analyzing texts and characters' images. Special attention is paid to the specificity of representation of the allusions to Russian and world artistic culture in the novel «The Regiyskiy Gambit. Differentiate the Darkness» and «Necromance» diology.

Key words: modern Russian literature, Evgenia Safonova, fantasy, accidental travel, intertext, allusions.

Коробко Кристина Вячеславовна,
преподаватель кафедры английской
и восточной филологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
kristina.korobko@gmail.com

Интерпретация архетипа матери в творчестве Мо Яня

В данной статье анализируются женские образы в романах «Лягушки» и «Большая грудь, широкий зад» представителя литературы «поиска корней» Китая Мо Яня с позиции мифопоэтического подхода, позволяющего обнаружить и раскрыть сущность архетипа матери в произведении.

Ключевые слова: *магический реализм, миф, художественный метод, литература «поиска корней», символизм.*

Мифопоэтический подход нашел широкое употребление в современном литературоведении. Данный подход основывается на представлении, что мифы и символы, присутствующие в литературных произведениях, являются выражением универсальных архетипических образов и идей. Архетипы, как структурные схемы и структурные предпосылки образов, отражают основные, врожденные для человека образцы мышления, восприятия и поведения, являясь неким концентрированным выражением психической энергии.

Таким образом, распространенной репрезентацией архетипов являются мифы и сказки, которые столетиями передавались от поколения к поколению. В подобном ключе мифологические символы, сюжеты, персонажи и события воплощают не только логические смыслы, но и эмоциональные, следовательно, мифология объективизирует чувственные данные. Е. Я. Режабек в своей работе «Мифомышление (когнитивный анализ)» (2003) пишет: «Мифическая реальность начинается там, где индивид не контролирует собственные действия, а приписывает реальности свои субъективные ощущения, даже не подозревая об этом» [6, с. 217]. Человек экстраполирует собственную материальную и духовную сущность на внешний ему мир, отождествляя себя с окружающей реальностью.

В своих исследованиях об архетипах и коллективном бессознательном К. Г. Юнг называет миф, прежде всего, психическим явлением, вместе с тем, архетип представляет собой лишь те элементы психического содержания, которые еще не успели попасть под воздействие сознательного осмысления. Поддавшиеся мифопоэтическому переосмыслению природные явления есть не столько перефразирование осознаваемого содержания, сколько высвобождение внутренней бессознательной драмы посредством символа [7, с. 11]. Мифологические образы и сюжеты вступают в диалог с подсознанием человека, который старается придать своим переживаниям более или менее понятную форму, которую К. Г. Юнг называет «проработкой» символа.

По мнению Е. М. Мелетинского, предметом мифопоэтического воображения является не только соотношение сознательного и

бессознательного начал в душе, но и взаимоотношение внутреннего мира человека с окружающей его действительностью, таким образом «жизненный путь человека отражается в мифах и сказках в большей мере в плане соотношения личности и социума, чем в плане конфронтации или гармонизации сознательного и бессознательного» [1, с. 5]. Так миф как динамическая система символов и архетипов становится непосредственно нарративом произведения.

Прежде всего К. Г. Юнг выделил архетипы «матери», «дитяти», «тени», «анимуса» («анимы»), «мудрого старика» («мудрой старухи») как наиболее важные мифологические мифологемы. В данной статье рассматривается архетип матери в романе Мо Яня «Лягушки» (2009), в большей мере сконцентрированный в главной героине произведения – тетушке Вань Синь, и романе «Большая грудь, широкий зад» (1996), где нарратив строится вокруг двух матерей – Шангуань Люй и Шангуань Лу. Актуальность данного исследования обосновывается малоизученностью мифотворчества Мо Яня, которое требует мифопоэтического подхода и, в частности, анализа архетипов, символов и схем, которые способствуют выявлению скрытых структур художественного текста. Литература «поиска корней» Китая конца 70-х – начала 80-х гг. XX в., наследующая традиции латиноамериканского магического реализма, переосмысливает методы реставрирования связей с традицией ушедших эпох. Переосмысляя наследие «культурной революции» и, вместе с тем, проводя политику реформ и открытости, Китай неизбежно заимствовал многие западные тенденции, что привело к рефлексии национального масштаба, направленной на поиск собственной социальной истории и культурных истоков, в том числе, в мифах, сказаниях и преданиях малых родин авторов, что позволяет нам считать мифопоэтический подход наиболее продуктивным в данном контексте. Научная новизна заключается в применении психоаналитического и архетипического подхода К. Г. Юнга к исследованию произведения писателя.

Необходимо подчеркнуть тот факт, что для Мо Яня, одного из представителей литературы «поиска корней», фигура матери имеет сакральное значение – свою нобелевскую лекцию он практически полностью посвящает ей. Выражая слова благодарности за собственное воспитание, Мо Янь возносит образ матери на новый уровень, мифологизируя саму память о ней: «Именно тогда я почувствовал, что матушка стала одним целым с землей и что, обращаясь к родной земле, я обращаюсь к ней» [4, с. 254]. Архетип Великой Матери несет основополагающее значение в жизни автора, так как неизмеримо важен и сам феномен материнства.

В романе «Лягушки» Мо Янь выстроил специфичную архитектуру романа, через призму которой рассматривается вопрос о национальном самосознании китайцев в конце XX века в реалиях политики одного ребёнка на одну семью – демографическая политика Китая, проводившаяся в 1979–2015 годах. Произведение делится на пять частей, нарратив которых строится вокруг и сквозь переписки драматурга Кэдоу с японским сенсеем Йошихото Сугитани. Сенсей – человек открывший для Кэдоу свою авторскую интерпретацию пьес французского писателя Сартра, тем самым вдохновив на написание собственной, которая стала бы жизнеописанием родной тетушки Кэдоу, проработавшей более пятидесяти лет акушером-гинекологом. Введенные

ограничения, связанные с хорошо уродившимся бататом в 1960-х гг. и последовавшим взлетом рождаемости, привели к тому, что тетушка Вань Синь была вынуждена переквалифицироваться и начать самолично проводить операции по стерилизации и аборты. Жители Гаоми противятся подобному курсу, утверждая, что рождение детей – непреложный закон неба и земли.

«Мать», вмещающая в свой образ бессмертную бессознательную стихию, может обнаруживаться нами почти во всем, что вызывает любовь и чувство благоговения. Однако символы Великой Матери могут иметь как позитивное, так и негативное значение: «Злыми символами являются ведьма, дракон (или любое другое прожорливое животное, такое как большая рыба или змея), могила саркофаг, глубокие воды, смерть, мары и привидения (Эмпуса, Лилит и др.) [7, с. 163]. Тетушка Вань Синь гармонично соединяет в себе обе коннотации. Первое же упоминание тетушки в тексте произведения сопровождается образом «кишащих вокруг лягушек», она «измазанными в крови руками со звонким смехом принимает ребенка» [3, с. 6]. По словам Кэдоу, Йошихито Сугитани крайне восхищен ее образом, используя его в качестве примера, чтобы проиллюстрировать свои литературные взгляды и вдохновить любителей литературы на написание «волнующего произведения» на основе жизни тетушки.

Тетушка утверждает, что помогла появиться на свет десяти тысячам младенцев: «В то время я была живым бодхисатвой, я дарила детей матерям, от меня исходил аромат сотен цветов, вокруг меня кружили рои пчел, летало множество бабочек. А теперь только мухи, эти его, жужжат...» [3, с. 31]. С равносильной легкостью дая и отнимая жизни, Вань Синь становится носителем амбивалентных качеств, подходящих под предложенный К. Г. Юнгом термин «любящая и ужасная мать» [7, с. 164]. С одной стороны, мать стремится быть животворящей и любящей, с другой стороны, она разрушительна и переполнена ненавистью. Исследуя архетип на мифологическом материале, К. Г. Юнг приходит к выводу, что «мать» может активизироваться в совершенно разных контекстах.

Так женщины, у которых принимала роды тетушка Вань Синь, испытывали к ней благоговейное уважение. По их словам, руки тетушки отличались от прочих, они были мягкие и холодные: «Стоит ей провести рукой по телу больного, на семь десятых болезнь уходит. В наших краях женщины тетушку чуть ли не боготворили» [3, с. 25]. Рядом с ней у рожениц прояснялся рассудок, что позволяло им преисполниться мужества. Здесь проявляется один из символов архетипа матери – магическая власть женщины, мудрость, превосходящая разум. Однако, с принятием новой политики рождаемости, отношение к Вань Синь меняется: «Нынче некоторые тетушку извергом прозвали, “живым Янь-ваном” (владыка ада), так, по мне, это и почет!» [3, с. 112]. Подобным образом проявляется обратная сторона архетипа матери, вмещающая в себе символ царства мертвых: нечто темное и скрытое, пожирающее и отравляющее; все то, что неизбежно подобно судьбе.

Чем больше тетушка укореняется в своем следовании политике партии и всему прогрессивному, тем абсурднее предстает ее лишенное индивидуального восприятия мира сознание. В погоне за беременной четвертым ребенком Гэн Сюлянь, тетушка приводит ту к неминуемой гибели. Гэн Сюлянь, чтобы воспрепятствовать принудительному аборту, спрыгивает

с катера, на котором ее транспортируют в больницу. В результате погони у женщины, героически плывущей наперегонки с катером в холодной воде, случается выкидыш: «Тетушка и остальные использовали самые лучшие средства, приложили все усилия, но Гэн Сюлянь все же умерла» [3, с. 143]. Вань Синь жертвует ей пятьсот кубиков крови, искренне считая это высшим проявлением доброты и великодушия. Описывая тетушкину увлеченность делом, Кэдоу говорит, что та «воскуривает благовония и принимает омовения» для тех, кто рождает согласно планированию, однако тех, кто противится курсу партии, «быстро прихлопнет – никому ускользнуть не удастся» [3, с. 112]. Вне зависимости от того, одобряли или порицали действия тетушки, окружающие люди в собственном субъективном восприятии лишали ее человеческих характеристик, сравнивая с небожительницей, злым духом, ведь она берет на себя право вершить чужие судьбы.

Лишь встретив старость, Ван Синь начинает раскаиваться: «Я за всю жизнь своими руками не по своей воле больше двух с лишним тысяч младенцев угробила» [3, с. 259]. Выйдя замуж за мастера Хао, она помогает ему в ремесле лепки кукол из глины. Выбор именно такого занятия отсылает к китайскому мифу о богине Нюйва, создавшей людей из глины и починившей небосвод. Сравнение с Нюйва возвращают Вань Синь к ее исходной точке – архетипу Богини-Матери. Эта трансформация четко прослеживается в рассказе тетушки о том, как, возвращаясь через болотную низину домой, ее преследовали полчища лягушек: «Лягушки попадали с меня, как комья глины. Но множество вцепилось в одежду, в волосы, две даже повисли на ушах, как страшные сережки» [3, с. 263]. В китайском языке слово «лягушка» (蛙, wā) фонетически созвучно с плачем ребенка, таким образом, кваканье лягушек для Вань Синь звучит криком десятков тысяч новорожденных младенцев. Лягушки рвут ее одежду, практически нагая, она спасается, встретив мистера Хао, и теряет сознание. Тело тетушки обсыпает лишаем, у нее поднимается жар и начинается бред, лишь благодаря отвару мистера Хао Вань Синь удается пережить критический момент. «Я слышала в сказках о том, как сбрасывают кожу и меняют кости, и поняла, что со мной это и происходит» [3, с. 265]. Так мы обнаруживаем характерный для мифотворчества композиционный элемент – переправа. В. Я. Пропп в труде «Исторические корни волшебной сказки» обозначает переправу как переход умершего в иное царство, загробный мир, а также его последующее перерождение [5, с. 402–419]. Тетушка Ван Синь, ставя под сомнение свои былые идеалы, отправляется в «путь», в процессе которого должна пройти, своего рода, обряд инициации: преодолеть свои страхи, умереть и возродиться в новом статусе.

В романе Мо Яня «Большая грудь, широкий зад» описаны ужасы Японо-китайской и Гражданской войн, Культурной революции, а также влияние всех этих событий на социальную жизнь Китая и изменение ценностей внутри общества. Автор описывает жестокие и коррумпированные времена через хронику семьи Шангуань. Сам Мо Янь охарактеризовал свое произведение как дань уважения не только собственной матери, но и выражение благоговения перед всеми женщинами Поднебесной. Несмотря на то, что главные героини в равной степени порой совершают поступки, далекие от общепринятой морали, они представляются как воплощение материнского начала, при этом расширяя существующие стереотипные представления.

Таким образом, в центре повествования находятся Шангуань Люй и ее невестка, Шангуань Лу (Мать), воспитывающая и вскормившая грудью девятерых детей: восемь девочек и одного мальчика. Наряду с очевидными представительницами архетипа матери автор в самом начале романа вводит образ ослицы, описание родов которой ведется параллельно родам Шангуань Лу – обе переживают настоящие муки. Шангуань Люй одинаково сочувствует каждой, обращаясь к ослице со словами: «Ну давай, милая, постарайся! Такая уж наша бабья доля, никуда от этого не денешься!» [2, с. 26].

В этот момент в образе Шангуань Люй воссоздается сосредоточение женской силы: «Сама свекровь легко плыла перед глазами большой тенью, и только эти руки – реальные, могучие, – казалось, могли делать все что угодно и с кем угодно» [2, с. 21]. Каждое ее движение исполнено невероятной мощью, ее не пугают трудности, которые, казалось бы, должны решать ее сын и муж, однако, именно на плечи Шангуань Люй ложится ответственность «защитника семьи». Могучие и мозолистые руки женщины неоднократно сравниваются Мо Янем с тонкими и нежными руками мужчин семейства. Реализуя архетип матери-хранительницы, Шангуань Люй непрерывно борется и преодолевает, отмечая: «Ну и неженки бабы пошли нынче, я, когда муженька твоего рожала, так и рожала, и подошвы для туфель прошивала...» [2, с. 22]. Так, не выдавая собственной тревоги за судьбу невестки, она пытается успокоить роженицу. Не стоит забывать, что на фоне описанных внутрисемейных событий происходит японское вторжение – кровавое и смертоносное для простых жителей деревни.

В то же время Шангуань Лу, сжав зубы и сдерживая рвущийся наружу крик, стойко терпит нечеловеческие муки, не теряя при этом собственного достоинства: муж разбивает женщине голову за рождение очередной дочери, а свекровь предпочитает ей ослицу. Чувствуя единение материнской доли, Шангуань Лу говорит: «Господи, спаси черную ослицу семьи нашей, дай ей благополучно разрешиться от бремени...» [2, с. 23], хотя сама еще не уверена в счастливой концовке собственных родов.

Так проявляется духовная сила Матери, не исключая внутренних терзаний и глубоко скрываемых переживаний женщины, которые все-таки проявляются в мотиве сна, в котором Шангуань Лу кажется, что в ее животе то холодный кусок железа, то мерзкая жаба. При этом ей легче дается мысль о том, что это нечто инородное и неживое, чем скользкое земноводное, что может интерпретироваться как парадокс соединения в женщине непостижимой силы и боязни маленького, хотя и неприятного, существа.

Разродиться Шангуань Лу помогает японский врач, и на свет появляется двойня: девочка и долгожданный всем семейством мальчик. Даже в таком тяжелом состоянии Шангуань Лу находит в себе силы подняться и ублажить доктора яйцами, финиками и кусковым сахаром. Подобная воля и стойкость обнажают перед читателем архетип матери во всей своей полноте.

Подводя итоги, мы можем отметить, что, несмотря на очевидное влияние латиноамериканского магического реализма в литературе, Мо Янь демонстрирует собственный неповторимый мифопоэтический подход. В своем уникальном субъективном мироощущении он отображает различные аспекты менталитета и общественной жизни китайских женщин. Архетипическое истолкование мифологемы матери в ее множественных

проявлениях и символической наполненности в романах «Лягушки» и «Большая грудь, широкий зад» приводит к выявлению архетипа Великой Матери, воплощающего психологическое ощущение смены поколений, определенной формы бессмертия. Заклучая в себе образ богини плодородия, архетип матери в обоих произведениях имеет символическое отношение к смерти, в свою очередь, ведущей к воскресению и возрождению. Подобное отображение объективной реальности через миф и архетип позволяет нам всесторонне подойти к опыту целой нации, что доказывает результативность мифопоэтического подхода как средства выявления скрытых смыслов и структур в художественных произведениях.

Список литературы

1. Мелетинский, Е. М. О литературных архетипах / Е. М. Мелетинский. – М. : РГГУ, 1994. – 136 с.
2. Мо, Янь Большая грудь, широкий зад / Мо Янь ; пер. с кит. Игоря Егорова. – М. : Эксмо, 2023. – 832 с.
3. Мо, Янь Лягушки / Мо Янь ; [пер. с кит. Игоря Егорова]. – М. : Эксмо, 2020. – 416 с.
4. Мо, Янь Сказитель. Нобелевская лекция / Мо Янь // Иностранная литература. – 2013. – № 5. – С. 254–266.
5. Пропп, В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2023. – 608 с.
6. Режабек, Е. Я. Мифомышление (когнитивный анализ) / Е. Я. Режабек. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 304 с.
7. Юнг, К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное / К. Г. Юнг ; пер. с нем. А. Чечиной. – М. : АСТ, 2022. – 224 с.

Кorobko K. V.

Interpretation of the Mother Archetype in the Mo Yan's works

This article analyzes the image of woman in the novel «The Frogs» and «Big Breasts and Wide Hips» by Mo Yan, a representative of the «search for the roots» literature of China, from the position of a mythopoetic approach that allows to discover and reveal the essence of the mother archetype.

Key words: *mythopoetic approach, myth, symbol, archetype, literature of «search for the roots», Mo Yan.*

УДК [811.111'42:27–23]:821.111–31.09:929 Диккенс

Новикова Анна Анатольевна,
канд. филол. наук, доцент,
зав. кафедрой английской и
восточной филологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
anitabogdan@mail.ru

Библейские интертекстуальные включения в романе Ч. Диккенса «Домби и сын» в контексте декодирования

В статье рассматриваются библейские интертекстуальные включения в романе Ч. Диккенса «Домби и сын», которые представляют собой особый способ свёртывания информации текста-источника, а в принимающем тексте они служат уже актуализатором определённого концепта. Автор полагает, что и декодирование, и переводческий анализ являются составной частью такого понятия, как алгоритм художественного перевода; писатель при этом рассматривается не как автор разрозненных романов, а как автор исследования, корпус произведений которого воспринимается как единое целое.

Ключевые слова: *интертекстуальность, включения, роман, декодирование смысла, перевод.*

Многогранность таланта Ч. Диккенса не перестаёт удивлять уже многие поколения читателей, поэтому изучение его творчества является важным и необходимым не только в контексте критического реализма, но и с позиций проблемы декодирования и интертекстуальности, а также в связи с растущим вниманием, уделяемым вопросам индивидуального языкового творчества, именно поэтому широта изучаемого вопроса обуславливает значимость и актуальность исследования.

Цель нашей статьи – рассмотреть библейские интертекстуальные включения в романе «Домби и сын».

Обобщение наблюдений отечественных и зарубежных исследователей по проблеме интертекстуальности приобрели популярность в работах И. В. Арнольд, Е. А. Баженовой, Н. А. Кожинной, Н. А. Кузьминой, Ж. Женетта, С. Г. Филипповой, У. Эко и др. Исследованием творчества писателя в разные периоды занимались как зарубежные, так и отечественные исследователи: Р. Барнард, В. В. Набоков, О. Сидор-Гибелинда, Т. Сильман, М. В. Урнов и др., при этом к изучению интертекстуальности в творчестве Ч. Диккенса обращались немногие. Так, например, Н. А. Баева впервые провела специальное комплексное исследование категории интертекстуальности в романном творчестве Ч. Диккенса, но роман «Домби и сын», к сожалению, не стал объектом ее изучения, что и обусловило новизну проводимого исследования.

Сегодня процесс перевода, согласно А. Г. Витренко, воспринимается как «мыслительно-речевая деятельность, которая, чаще всего, представляет собой как процесс декодирования смысла (совокупности смыслов) текста на

исходном языке во всех его аспектах, так и последующего его перекодирования на языке перевода» [2, с. 55], то есть всего существует два процесса перевода, содержанием которых и является текствосприятие и текстопорождение. При этом, «наряду с термином «декодирование текста», обозначающим не только процесс, но и его результат, употребляется его частично синонимический термин «переводческий анализ», обозначающий сам процесс» [2, с. 55], но правомерность его использования в данном контексте, как мы полагаем, связана с тем, что в познавательной деятельности подобный анализ и синтез, то есть, мысленное или реальное расчленение предмета, явления и т. д., является первой стадией любого исследования.

При этом и декодирование, и переводческий анализ обозначают совокупность всех необходимых операций, которые обязан выполнить переводчик в процессе перевода, соблюдая определённую последовательность, чтобы правильно понять смысл текста на исходном языке. Другими словами, эти два термина являются составной частью такого понятия, как алгоритм художественного перевода [2, с. 58], и при переводе лингвистический анализ художественного текста будет полностью отличаться от литературоведческого как по целям, так и по средствам.

У. Эко определяет заглавие как «определение содержания литературного произведения, которое стоит впереди текста, поэтому, чтобы понять фабулу, читатель должен сначала идентифицировать тему произведения. Топик повествования – это не что иное, как фабула, сформулированная в максимально обобщённом виде, или такое обобщающее макровысказывание, которое можно выразить только при помощи заглавия» [5, с. 356].

Лаконичные заглавия оказывают сильное эмоциональное воздействие на читателя, устанавливая с ним контакт, поэтому писатели часто используют в заглавиях разные выразительные языковые средства, но в названии романа «*Dombey and Son*» [7], как и в его переводе, «Домби и сын» [3; 4], указана лишь фамилия главного героя и существительное в именительном падеже (что тоже, на наш взгляд, достаточно лаконично), при этом слово «сын», завершающее тему данного микротекста, указывает на то, что «Домби» и слово «сын» тесно связаны между собой и не просто родственными отношениями. В заглавии чувствуется скрытое противопоставление или сравнение, которое, по ожиданиям читателя, должно быть раскрыто на страницах произведения.

Несмотря на то, что полное название произведения дано лишь в начале книги (но не на обложке) – «Торговый дом Домби и Сын, торговля оптом, в розницу и на экспорт», оно полностью соответствует английскому названию «*Dealings with the firm of Dombey and Son, wholesale, retail and for exportation*» при переводе которого А. В. Кривицкая использовала приём конкретизации, чтобы российский читатель смог правильно понять значение слова «dealings», которое в русском языке имеет разное толкование.

Итак, уже из этого названия мы понимаем, что в систему образов романа входит и образ капиталистической фирмы, которая оказывает огромное влияние на судьбы основных героев. На наш взгляд, роман озаглавлен просто «Домби и сын», так как Ч. Диккенс интересовало не только влияние бизнеса на отношения в семье, но и сама природа этих отношений. Этот скрытый дискурс заглавия и ожиданий читателя показывает нам важность информации, заключённой в имени собственном и равнозначном ему слове

«сын». После прочтения первой главы романа, одноимённой заглавию, нам сразу же становится ясна интенция автора, указывающая не только на связь с заглавием, но и на противоположность характеров героев, которых даже зовут одинаково с той разницей, что старшего уважительно называют «Mr. Paul Dombey», а младшего – просто «Paul Dombey» или «Dombey».

Интертекстуальность в романе «Домби и сын» представлена не слишком широко – в основном на текстовом уровне, хотя нам следует отметить и метатекстуальность всех произведений автора, у которого некоторые персонажи переходят из романа в роман, что очень широко отмечено многими критиками, такими, как Р. Барнард, В. В. Ивашева, Н. П. Михальская, Т. Сильман и др.

Так, непрямо́й аллюзией к Библии является образ ада в романе, который представлен при помощи символического путешествия мистера Домби по железной дороге после смерти сына: «Tortured by these thoughts he carried monotony with him, through the rushing landscape, and hurried headlong, not through a rich and varied country, but a wilderness of blighted plans and gnawing jealousies. <...> The power was a type of the triumphant monster, Death» [7, с. 344]. «Терзаемый этими мыслями, он вёз с собой мимо пробегающего ландшафта свою тоску и стремительно пересекал не богатую и живописную страну, а пустыню несбывшихся планов и мучительной ревности. <...> Сила, которая мчала по железному пути – по своему пути, – презирая все другие дороги и тропы, пробиваясь сквозь все препятствия и увлекая за собой людей всех классов, возрастов и званий, была подобием торжествующего чудовища – Смерти!» [3, с. 241]. Мы видим, что А. В. Кривцова, желая глубже передать контекст и эмоциональное состояние мистера Домби, использует дополнение и генерализацию при переводе, тем самым усиливая эмоциональное напряжение читателя.

В тексте-оригинале Ч. Диккенс придаёт образу транспорта характерные дьявольские черты: «Away, with a shriek, and a roar, and a rattle, from the town, burrowing among the dwellings of men and making the streets hum, flashing out into the meadows for a moment, mining in through the damp earth, booming on in darkness and heavy air, bursting out again into the sunny day so bright and wide; ... ever flying from the end, and a deceitful distance ever moving slowly within him: like as in the track of the remorseless monster, Death!» [7, с. 344]. А. В. Кривцова воспроизводит их и в тексте перевода, оставляя нетронутым не только стиль писателя, но и ещё более подчёркивая ужас транспортного средства при помощи пунктуации и побудительного предложения: «... тогда как обманчивая даль вечно движется медленно за окном, – словно по следам безжалостного чудовища – Смерти!» [3, с. 242].

Автор хочет показать нам, что это и есть ад для героя, используя такие слова и словосочетания как «ashes going on» [7, с. 431], «the trial» [7, с. 431], «disappointment» [7, с. 431], «lost child» [7, с. 431], «defeated hopes» [7, с. 431], «alone» [7, с. 431], «tortured» [7, с. 431], «rushing landscape» [7, с. 431], «wilderness of blighted plans and gnawing jealousies» [7, с. 432], «piercing through the heart» [7, с. 432], «dragging living creatures of all classes» [7, с. 432], «the triumphant monster» [7, с. 432], «Death» [7, с. 432], «booming on in darkness and heavy air» [5, с. 432], «bursting out again into the sunny day so bright and wide» [7, с. 432], «deceitful distance» [7, с. 432], «hollow» [7, с. 432], «on the height»

[7, с. 432] и другие, которые А. В. Кривцова передаёт адекватными средствами русского языка, например, «гудя во мраке» [3, с. 241], «разбрасывая всё своим тёмным дыханием» [3, с. 242], «скрежещет, ревёт, грохочет» [3, с. 242], «всё вокруг почернело» [3, с. 242], «чудовище» [3, с. 243] и так далее. При переводе словосочетания «the triumphant monster» [7, с. 432] («чудовище» [3, с. 242]) переводчик использует приём опущения, видимо, полагая, что для русского языка подобной конструкции будет уже достаточно, при этом избегая чрезмерного гиперболизирования.

Домби теряет сына и все свои надежды, связанные с ним, находясь во мраке своей гордыни: «He rejected the angel, and took up with the tormenting spirit crouching in his bosom. Her patience, goodness, youth, devotion, love, were as so many atoms in the ashes upon which he set his heel. He saw her image in the blight and blackness all around him, not irradiating but deepening the gloom» [7, с. 345]. Имеется в виду, что герой теряет путь в жизни и отворачивается от Бога, за что и расплывается своим одиночеством. Реминисценцией, отсылающей нас к Библии, является словосочетание «He rejected the angel, and took up with the tormenting spirit ...» [7, с. 345], которое напоминает нам о том, что дьявол также отказался от Бога. В переводе данная конструкция звучит следующим образом: «Он отверг ангела и принял терзающего демона...» [3, с. 243]. Переводчик использовал приём конкретизации и адекватный перевод, при этом стараясь сохранить особенности исходящего текста.

Аллюзией к Святому Письму в романе «Домби и сын» служит и надпись в воображаемом доме Флоренс: «... two ominous extinguishers, that seemed to say, «Who enter here, leave light behind!» [7, с. 348], которая одновременно является и парафразой надписи над воротами ада в «Божественной комедии» А. Данте: «Оставь надежду всякий сюда входящий» [1]. Кроме этого, эта фраза – это и библейский символ, который помогает выделить своеобразный образ ада, и евангельская легенда о явлении Воскресшего Христа двенадцати апостолам, поэтому эти слова являются и примером аллюзии к Библии [6, с. 43]. Адекватный перевод в данном случае также способствует более глубокому пониманию исходного текста, а также его правильному декодированию переводчиком.

В тексте романа присутствует и пародия на библейские цитаты, которая представлена в виде искажённых цитат из Библии в языке капитана Катля. Например, в одной из глав, он ссылается на катехизис: «Wal'r» he said, arranging his hair (which was thin) with his hook, and then pointing it at the Instrument-maker, «Look at him! Love! Honour! And Obey! Overhaul your catechism till you find that passage, and when found turn the leaf down. Success, my boy!» [7, с. 26], – капитан Катль постоянно путает высказывания; здесь он произносит не цитату из катехизиса, а слова поучения пастора молодожёнам, вступающим в брак, что и создаёт комическую ситуацию. А. В. Кривцова не только использовала адекватный перевод, но и интертекстуальный элемент – комментарий, который направляет читателя в нужном направлении, поэтому вышеприведённая цитата из текста вызывает иронию и комизм: «Любите! Читайте! И повинуйтесь!» [3, с. 40].

В следующем высказывании капитан Катль объединяет в одной фразе-пародии память о легенде, связанной с именем Ричарда Виттингтона, и цитату из Библии: «Turn again Whittington, Lord Mayor of London, and when you

are old you will never depart from it» [7, с. 986]. Ч. Диккенс часто упоминает в своих произведениях о Виттингтоне, который трижды избирался лондонским лорд-мэром, но до этого, согласно легенде, не выдержав жестокого обращения хозяина суконной лавки с ним, в которой он был подмастерьем, решил убежать, но вернулся к хозяину, услышав звон колоколов церкви Сент-Мэри-ле-Боу, предвещавший ему успех в жизни и высокий пост лорд-мэра: «Вернись, Виттингтон... и когда ты состаришься, то не покинешь его...» [3, с. 377].

И таких примеров интертекстуальности в романе множество, что могло бы стать темой ещё для одного исследования, но в нашем случае нам стоит обратить внимание прежде всего на декодирование исходного текста при переводе на русский язык и, соответственно, мы можем утверждать, что все рассмотренные нами интертекстуальные явления А. В. Кривцова старается не только передавать, но и использовать при этом комментарий, чтобы облегчить читателю задачу осознанного прочтения романа. И это, на наш взгляд, немаловажно для «непосвящённого» читателя, который сможет правильно и точно понять то или иное высказывание.

Существует мнение, что все романы Ч. Диккенса – это метароманы, а сам писатель – один из первых авторов мировой литературы, которому удалось создать собственную вселенную. Так, например, Лондон для писателя – не просто населённый пункт, но и часть его жизни. Любые описания Ч. Диккенса – это, по сути, импрессионистические зарисовки, в которых большую роль играют зрительные, слуховые и даже вкусовые ощущения. Автор обращает внимание и на самые болезненные проблемы современности: жалкое существование низов, которое приводит к деградации личности, возможно, именно поэтому его Лондон населён особыми персонажами (с одной стороны – уникальными, а с другой – типичными для своего времени). Эта вселенная замкнута сама в себе, но в то же время она постоянно находится в движении внутри себя (герои Ч. Диккенса переходят из романа в роман, что много раз отмечалось в критике; сквозные сюжеты – также не редкость для его романов).

Итак, данная вселенная является интерактивной, так как писатель допускает присутствие читателя и чутко реагирует на его поведение, поэтому Ч. Диккенса мы рассматриваем не как автора разрозненных романов, а как автора настоящего исследования, корпус произведений которого воспринимается как единое целое и, следовательно, существует необходимость анализа его произведений в контексте друг друга. Таким образом, вопрос формы становится ещё более важным и актуальным, так как существуют некоторые схожие элементы, позволяющие рассматривать романы именно таким образом.

Библейские интертекстуальные включения, на наш взгляд, играют важную роль в творчестве Ч. Диккенса, что, с одной стороны, подтверждает тезис о традиционности этого источника в английской литературе, а с другой – обнаруживает характерные особенности романов писателя, которые проявляются в употреблении библейских изречений с пиететом, для придания авторитетности кому-либо из персонажей.

Библейские интертекстуальные включения маркируют узловые моменты содержания и защищают замысел автора от привнесения других смыслов, тем самым обеспечивая определённую инвариантность

и адекватность интерпретации, поэтому библейские интертекстуальные включения представляют собой особый способ свёртывания информации текста-источника, а в принимающем тексте они служат уже актуализатором определённого концепта. При этом происходит взаимодействие смысловых полей принимающего текста и текста-источника с образованием нового смыслового пространства. Библейские интертекстуальные включения различных видов проявляются в заголовках, образах, речи героев, объектах и так далее, что указывает на стремление автора к библейскому выражению подтекста, а при декодировании произведения при переводе данные стремления автора, на наш взгляд, полностью передаются на язык перевода.

Перспективы дальнейших исследований мы видим в изучении творчества Ч. Диккенса в контексте декодирования и интертекстуальности.

Список литературы

1. **Библия. Книга священного писания Старого и Нового Завета.** – М. : Библейское учеб. о-во, 2004. – 1230 с.
2. **Витренко, А. Г.** Декодирование прозаического художественного текста при переводе / А. Г. Витренко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2003. – Вып. 480 : Перевод как когнитивная деятельность. – С. 54–83.
3. **Диккенс, Ч.** Торговый дом Домби и Сын. Торговля оптом, в розницу и на экспорт : роман : в 2 т. Т. 1. Главы I–XXX / Чарльз Диккенс. – М. : Худож. лит., 1989. – 382 с.
4. **Диккенс, Ч.** Торговый дом Домби и Сын. Торговля оптом, в розницу и на экспорт : роман : в 2 т. Т. 2. Главы XXXI–LXII / Чарльз Диккенс. – М. : Худож. лит., 1989. – 368 с.
5. **Эко, У.** Роль читателя : исслед. по семиотике текста / Умберто Эко ; пер. с англ. и итал. С. Серебряного. – СПб. : Symposium ; М. : Изд-во РГГУ, 2007. – 502 с.
6. **Barnard, R.** Imagery and theme in the novels of Dickens / R. Barnard. – Bergen : Universitetsforlaget, 1991. – 231 p.
7. **Dickens, Ch.** Dombey and Son / Ch. Dickens. – New York : Modern Library, 2003. – 1120 p.

Novikova A. A.

Biblical Intertextual Inclusions in Ch. Dickens' Novel «Dombey and Son» in the Context of Decoding

The article deals with the biblical intertextual inclusions in the novel «Dombey and Son» by Ch. Dickens, which represent a special way of wrapping up the information of the source text, and in the receiving text they serve as an actualiser of a certain concept. The author considers that both decoding and translation analysis are an integral part of such a concept as the algorithm of artistic translation; the writer is considered not as the author of disparate novels, but as the author of the research, the corpus of works of which is perceived as a whole.

Key words: *intertextuality, inclusions, novel, decoding of meaning, translation.*

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 37.016:811.111

Дволучанская Виктория Александровна,
канд. пед. наук,
доцент кафедры английской и
восточной филологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
victoriya99.2010@mail.ru

Манекина Елена Александровна,
студент 2 курса магистратуры
Института филологии и социальных коммуникаций,
направление подготовки «Филология.
Зарубежная филология. Английский язык»
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
manekina2015@mail.ru

Цели и задачи обучения иностранному языку в соответствии с ФГОС

В статье раскрывается вопрос организации обучения иностранному языку в соответствии с содержанием ФГОС. Анализируются требования к построению структуры урока иностранного языка, значение учебного сотрудничества и форм его организации как направлений реализации ФГОС. Рассматриваются основные предметные и метапредметные результаты усвоения дисциплины «Иностранный язык».

Ключевые слова: иностранный язык, ФГОС, предметные результаты, метапредметные результаты.

Цель образования всегда зависит от требований, предъявляемых государством, от ожиданий общества, семьи и личности. Министерство образования и науки РФ следит за уровнем образования и образованности граждан РФ. Для обеспечения единства образовательного пространства на территории РФ, преемственности всех ступеней образования, духовно-нравственного развития и воспитания, развития системы образования в зависимости от изменяющихся запросов общества были разработаны федеральные государственные образовательные стандарты, предъявляемые к определенному уровню образования, которые пересматриваются, дополняются, совершенствуются, заменяются со временем новыми стандартами, исходя из потребностей личности, общества, государства, образования, социальной сферы, науки, не реже одного раза в десять лет.

Цель статьи – проанализировать и систематизировать знания о целях и задачах обучения иностранному языку в соответствии с ФГОС.

Современная образовательная среда, меняющая прежние ориентиры школы, строится на основе системно-деятельностного подхода. Она является

ответом на запросы общества, которое нуждается в людях с высоким качеством образования, коммуникабельных, целеустремлённых, умеющих находить нужную информацию в большом объеме информационного пространства, готовых к самообразованию и саморазвитию. Именно школа в первую очередь несет ответственность за подготовку к будущей жизни, поэтому разрабатываются государственные требования к минимуму содержания и уровню подготовки выпускников всех уровней образования [6].

Данные требования разработаны с учетом возрастных и индивидуальных особенностей обучающихся на ступени основного общего образования, образовательных потребностей обучающихся с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов, значимости ступени общего образования для дальнейшего развития обучающихся [5].

Следует отметить, что в рамках данной статьи для нас представляет интерес дисциплина «Иностранный язык». Современное обучение иностранному языку должно учитывать все вышеперечисленные требования и организовывать процесс обучения не только на принципах самостоятельности и творчества обучающихся, но и на принципе приоритета деятельности обучающихся. Учитывая эти принципы, требования, предписанные ФГОС, для реализации поставленных целей необходимо строить урок иностранного языка, исходя из следующих требований:

- четко формулировать цели и задачи;
- составлять содержание урока в соответствии с требованием учебной программы, целями и задачами урока, с учетом подготовки обучающихся;
- отрабатывать разные аспекты языка в рамках одного урока;
- распределять в правильной последовательности упражнения, чтобы предыдущее было опорой для следующего;
- прогнозировать уровень усвоения знаний и формирование УУД, как на уроке, так и на каждом этапе урока.

А также, согласно требованиям ФГОС, между обучающимися и учителем в ходе урока должно быть организовано учебное сотрудничество. Предписана необходимость сочетать различные формы работы на уроке, отдавая предпочтение групповой и индивидуальной работе обучающихся для обеспечения их познавательной активности. Для организации успешной коммуникации требуется создавать такие условия, при которых обучающиеся и учитель являлись бы речевыми партнерами. Для активизации деятельности обучающихся следует организовывать проблемные и поисковые ситуации. Урок должен проходить на иностранном языке и носить проблемный, развивающий, комплексный характер. 90% времени урока обучающиеся должны использовать иностранный язык. Требуется формировать у учащихся навыки и умения использования иностранного языка в качестве средства коммуникации. А также, ориентируясь на современное обучение иностранному языку, важно создавать условия для эффективного усвоения знаний, учебных действий и формирования компетенций в предметной области и проектной деятельности [2, с. 46–50].

При правильной организации урока обучающиеся достигают личностных, метапредметных и предметных результатов и реализовывают поставленные цели. Рассмотрим вышеупомянутые результаты по отдельности. Среди личностных результатов усвоения учебного предмета «Иностранный

язык» в рамках основного общего образования можно выделить: формирование мотивации изучения иностранных языков и стремления к самосовершенствованию, осознание возможностей самореализации с помощью иностранного языка, стремление совершенствовать собственную речевую культуру, формирование коммуникативной компетенции в межкультурной и межэтнической коммуникации, развитие личностных качеств (воля, целеустремленность, креативность, инициативность, трудолюбие, дисциплинированность), формирование толерантного отношения к проявлениям иной культуры [4].

Что касается метапредметных результатов, то учебный предмет «Иностранный язык» так же, как и другие предметы, способствует развитию УУД, которые входят в данную группу результатов. Отметим, что именно при изучении предмета «Иностранный язык» происходит достижение таких метапредметных результатов, как развитие умения планировать свое речевое и неречевое поведение; развитие коммуникативной компетенции; развитие умения взаимодействовать с окружающими; развитие исследовательских учебных действий (особенно навыки работы с информацией); развитие смыслового чтения, в том числе умение прогнозировать содержание текста, выделять главную мысль, устанавливать логическую связь между фактами; развитие умения осуществлять регулятивные действия; самонаблюдение, самоконтроль, самооценка при коммуникативной деятельности на иностранном языке [4].

Согласно ФГОС ООО, предметные результаты учебного предмета «Иностранный язык» представлены четырьмя: формирование дружелюбного и толерантного отношения к ценностям иных культур, оптимизм и выраженная личностная позиция в восприятии мира, в развитии национального самосознания на основе знакомства с жизнью своих сверстников в других странах, с образцами зарубежной литературы разных жанров, с учётом достигнутого обучающимися уровня иноязычной компетентности; формирование и совершенствование иноязычной коммуникативной компетенции; расширение и систематизация знаний о языке, расширение лингвистического кругозора и лексического запаса, дальнейшее овладение общей речевой культурой; достижение допорогового уровня иноязычной коммуникативной компетенции; создание основы для формирования интереса к совершенствованию достигнутого уровня владения изучаемым иностранным языком, в том числе на основе самонаблюдения и самооценки, к изучению второго/третьего иностранного языка, к использованию иностранного языка как средства получения информации, позволяющей расширять свои знания в других предметных областях [5].

Современный учитель должен отличаться готовностью к переменам, мобильностью, способностью к нестандартным профессиональным решениям, ответственностью, а главное, он должен показывать на своем примере обучающимся, что необходимо учиться и самосовершенствоваться [3].

Помимо этого, включение метода проектов в обучение способствует развитию самостоятельности и инициативности учащихся, расширению их кругозора, повышению мотивации к учению, повышению значимости языка как средства общения, развитию творческих способностей учащихся, повышению личной уверенности учащихся, развитию навыков самопрезентации и

умения общаться, формированию и развитию общеучебных умений (работа с учебником, со словарем, справочной литературой, составление плана доклада, сообщения), специальных (умение сокращать текст и передавать его в устной форме, осуществлять тематический подбор лексики, пользоваться двуязычным словарем), собственно коммуникативных умений по видам речевой деятельности, включающих речевое и неречевое поведение [1].

Таким образом, образовательный процесс в современных условиях основывается на трех группах требований, предписанных ФГОС. Перед учреждениями образования и учителями стоит большое количество задач, например, подготовить обучающихся к решению различного рода проблем, научить их организовывать и планировать свою познавательную деятельность, развить у них умения выполнять совместную деятельность, применять полученные знания на практике, мотивировать их к саморазвитию и самосовершенствованию. Кроме того, в рамках учебного предмета «Иностранный язык» современная школа должна воспитать общую коммуникативную культуру, сформировать и развить иноязычную коммуникативную компетенцию. Достичь всех этих целей, сформировать и развить все вышеперечисленные качества, навыки, умения, компетенции помогают современные технологии обучения, среди которых следует отметить проектную технологию или метод проектов, использование которого позволяет не только организовать урок в рамках требований ФГОС, но и достичь более высоких личностных, метапредметных и предметных результатов обучения.

Перспективы дальнейших исследований мы видим в детализации и выявлении основных направлений работы по усовершенствованию коммуникативных навыков обучающихся в соответствии с содержанием ФГОС.

Список литературы

1. **Проект как одна из современных технологий обучения.** – Текст : электронный // Первое сентября: открытый урок : [сайт]. – URL: <http://открытыйурок.рф/статьи/414629> (дата обращения: 22.12.2022).
2. **Рець, М. С.** Современный урок иностранного языка в условиях реализации ФГОС / М. С. Рець // Молодой ученый. – 2016. – № 17(121), ч. 1. – С. 46–50.
3. **Требования ФГОС к современному учителю :** выступление на районном метод. объединении учителей географии Муниципального р-на Бирский р-н Респ. Башкортостан / подгот. Гуменяк Э. А. – Текст : электронный // Инофоурок : [сайт]. – URL: <https://infourok.ru/trebovaniya-fgos-k-sovremennomu-uchitelyu-1954906.html> (дата обращения: 22.12.2022).
4. **Требования ФГОС нового поколения к обучению иностранным языкам в средней школе.** – Текст : электронный // Одинцовский УМЦ «Развитие образования» : [сайт]. – URL: http://umcodin.ru/upload/pl_plugin_1/TREBOVANIYA_FGOS_NOVOGO_POKOLENIYA_K_OBUCHENIYU.pdf (дата обращения: 20.12.2022).
5. **Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования :** стандарт № 1897 : утв. приказом М-ва образования и науки РФ от 17 дек. 2010 г. : с изм. и доп. от 8 нояб. 2022 г. – Текст : электронный // ФГОС : [сайт М-ва просвещения РФ]. – URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo/?ysclid=log49r7nuf550500347> (дата обращения: 12.12.2022).

6. **Федеральный государственный образовательный стандарт (Россия).** – Текст : электронный // Википедия : свободная энцикл. : [сайт]. – URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Федеральный_государственный_образовательный_стандарт_\(Россия\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Федеральный_государственный_образовательный_стандарт_(Россия)) (дата обращения: 12.12.2022).

**Dvoluchanskaya V. A.,
Manekina E. A.**

Goals and Objectives of Teaching a Foreign Language in Accordance with the FSES

The article reveals the issue of organizing foreign language teaching in accordance with the content of the Federal State Educational Standard. The requirements for building the structure of a foreign lesson, the importance of educational cooperation and forms of its organization as directions for the implementation of the Federal State Educational Standard are analyzed. The main subject and meta-subject results of mastering the discipline «Foreign language» are considered.

Key words: *foreign language, FSES, subject results, meta-subject results.*

УДК [378.147.091.31:378.011.3-051:811'243] – 047.44

Харченко Лариса Ивановна,
канд. пед. наук, доцент,
зав. кафедрой теории и практики перевода
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
larissa7474@yandex.ru

Колесникова Лилия Александровна,
студент 2 курса магистратуры
Института филологии и социальных коммуникаций,
направление подготовки
«Лингвистика. Лингводидактика и
межкультурное образование (английский язык)»
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
lilia.kolesnikova2001@mail.ru

Историко-концептуальный анализ становления лично ориентированного подхода к обучению будущих учителей иностранного языка

Статья посвящена историко-концептуальному анализу становления лично ориентированного подхода в различные исторические периоды. Рассмотрен вопрос использования лично ориентированного подхода в процессе подготовки будущих учителей иностранного языка. Авторы обращаются к истокам человеческой культуры и к основам гуманистической педагогики.

Ключевые слова: *лично ориентированный подход, историко-концептуальный анализ, философско-педагогическая идея, гуманистическая педагогика.*

Ценность учителя в цивилизованном мире исключительно велика. Всегда существовала зависимость: уровень преподавателей – это уровень образования; уровень образования и воспитания – это интеллектуальный и нравственный потенциал всего народа. Только сформированная личность может воспитать личность. Таким образом, ценность учителя не в том, что он служит ретранслятором знаний, а в том, что объективно обогащается и расширяется его социально-профессиональная функция, повышается значимость его нравственной позиции, функция учителя становится лично образующей [6, с. 32].

Основная концепция методической (профессиональной) подготовки учителей представляет собой широкую и комплексную концепцию, в которой этому процессу способствуют философские, социальные, экономические и другие факторы. Во-первых, профессиональная (методическая) культура учителя является первым шагом в раскрытии содержания и цели обучения. Во-вторых, это понимание природы передаваемого образования, т. е. значение «иностранного языка» как предмета, его интеграция в современный мир и образование и, как следствие, оценка цели обучения с точки зрения

социального заказа. Но ни то, ни другое не может быть оценено и понято, если не определены исходные принципы подготовки современного преподавателя иностранного языка.

Вопросы подготовки будущих учителей иностранного языка к успешному разрешению нестандартных ситуаций в процессе профессиональной деятельности, развития готовности к мобильной перестройке системы формируемых знаний в ответ на обновление общественной формации в определенной области и требования рынка труда являются чрезвычайно актуальными в условиях современной действительности. Применение личностно ориентированного подхода к обучению играет важную роль как в развитии личности обучаемого в целом, так и в приобретении им всех компетенций, характеризующих владение иностранным языком.

Соответственно, целью данного исследования является исторический и концептуальный анализ возникновения и реализации личностно ориентированного подхода в процессе обучения иностранному языку. Обратимся к рассмотрению понятия «личностно ориентированный подход в обучении иностранному языку» в рамках исторического аспекта, а также к выявлению общих тенденций в подготовке современного преподавателя иностранного языка на основе данного подхода.

Обращение педагогики к своему прошлому особенно актуально для наших дней, характеризующихся научным поиском путей дальнейшего развития и выбором ценностных ориентиров, отвечающих гуманистической направленности общества. Важнейшим из этих ориентиров является личность во всем многообразии ее творческих проявлений, а приоритетным путем – внедрение личностно ориентированного обучения, традиционно присущего прогрессивной педагогической мысли России.

У истоков личностного подхода к образованию стояли Сократ, Платон, Аристотель, Сенека, Плутарх, Протагор. Важную роль в развитии педагогической мысли в Античности сыграл Платон, который считал, что образование должно гарантировать «свободу занятий», т. е. учитывать индивидуальные склонности. Римский государственный деятель, философ и писатель Сенека считал, что образование должно, прежде всего, формировать самостоятельную личность [2, с. 126].

В эпоху Возрождения личностный подход к ученику получил развитие в гуманистических взглядах Т. Мора, Т. Кампанеллы, Э. Карбе, Г. Х. Честертона, Ф. Рабле, М. Монтеля, М. Лютера и других. Английский мыслитель и гуманист Томас Мор высказал свои идеи о многогранном развитии личности. Французский писатель-гуманист Франсуа Рабле в язвительных и остроумных выражениях обличал пороки средневекового образования и воспитания и в то же время изображал идеал гуманистического воспитания, ориентированного на духовное и физическое развитие личности [2, с. 150].

В наше время идея о том, что развитие личности и ее способностей является неотъемлемой частью образования и воспитания, нашла отражение во взглядах Д. Дидро, К. А. Гальвеция, И. Г. Песталоцци, А. Н. Радищева, Ж. Ж. Руссо.

Французские просветители Дени Дидро и Клод Адриан Гальвеций признавали решающую роль воспитания и образования в формировании личности, причем Д. Дидро рассматривал воспитание и образование как

«равнодействующую силу между личностным и социальным аспектами», а К. А. Гальвеций несколько иначе рассматривал вопрос о социальных и природных факторах в воспитании, называя учеников «материалом» для «лепки» [2, с. 172].

А. Н. Радищев, просветитель, писатель, философ, крупнейший представитель прогрессивной педагогической мысли в России конца XVIII века, противник авторитарного воспитания, вслед за Ж. Ж. Руссо, выдвинул идею свободного развития ребенка в семейном окружении. Родители должны направлять интересы и склонности ребенка, не прибегая к принуждению, при этом связь между родителями основывается не на родительской власти, а на естественной привязанности и взаимопонимании [1, с. 39].

Эти и другие прогрессивные педагоги стремились воспитать свободную личность, сделать ученика центром внимания в учебном процессе и предоставить ему возможность активно познавать мир через активную самостоятельную и творческую деятельность.

В XIX веке различные аспекты личностного подхода в воспитании и обучении рассматривались в педагогических системах К. Д. Ушинского («стремления»), И. Гербарта («интересы»), Л. Н. Толстого («свобода как принцип в обучении и воспитании, исключая принуждение»), в идее единства и нераздельности духовной жизни в представлениях Н. И. Пирогова [4, с. 64].

В отечественной педагогике начала XX века идеи личностного развития и саморазвития ребенка продолжают развиваться в трудах педагогов и психологов П. Ф. Каптерева, П. П. Блонского, С. Т. Шацкого и др.

П. Ф. Каптерев провозглашает главной целью образования внутренние изменения, происходящие в ученике. Он говорит о «внутреннем процессе» как о конечной цели и о том, что «происходит в душе воспитанника, что он переживает в себе, работает ли он над своим совершенствованием или нет, развивается ли или не развивается его способность к самоуправлению и самообладанию» [2, с. 208].

В 50–60-е годы XX века понимание личностного подхода было определено представителями гуманистической психологии Ш. Бюлером, А. Маслоу, К. Роджерсом и В. Франклом. Педагогическим воплощением их идей стала «гуманистическая педагогика», где в центре внимания находится уникальная и целостная личность, стремящаяся к самореализации и самоуправлению, открытая новому опыту и способная делать осознанный и ответственный выбор. Гуманистическую направленность образования исповедует А. Маслоу, американский психолог, ведущий представитель гуманистической психологии. А. Маслоу утверждал, что главная задача педагогики заключается в помощи людям открыть то, что уже заложено в них самих [2, с. 371].

Для К. Роджерса основной категорией была самооценка. В результате взаимодействия со взрослыми и другими детьми у учащихся формируются представления о себе; большое значение К. Роджерс придавал ситуации межличностного общения между людьми, особенно между учителями и учениками [2, с. 376].

В 70–80-е годы XX века в отечественной педагогике личностные факторы в обучении изучали Н. А. Данилов, Л. В. Занков, Г. С. Костюк,

В. А. Сухомлинский и др. В этот период основной целью личностно ориентированного образования стало развитие личности ученика.

Дальнейшим развитием философско-педагогической мысли стала методология личностно ориентированного обучения. В философии образования личностно ориентированный подход существует с использованием категорий субъектности, свободы, саморазвития, целостности и диалога. С педагогической точки зрения личностно ориентированное образование включает в себя такие категории, как цели, содержание образования, методы и приемы обучения, способы организации учебно-воспитательной деятельности, критерии эффективности образовательного процесса [3, с. 50].

В последнее десятилетие XX века стали по-настоящему востребованы идеи личностно ориентированного обучения, развитие творческих способностей каждого ученика, формирование предметных и метапредметных умений обучающихся.

Современный личностно ориентированный подход в образовании заключается в том, чтобы не только передавать студентам знания и навыки, но и заботиться о развитии их личности в целом. Этот подход ориентирован на развитие не только интеллектуальных способностей студентов, но и их духовности, эстетического вкуса и творческого потенциала. В основе такого образования лежит уникальность и ценность каждой личности [7, с. 109].

В современном мире, где межкультурное взаимодействие становится все более важным, личностно ориентированный подход к обучению иностранным языкам становится необходимостью. Это позволяет студентам развивать межкультурную компетенцию, которая является ключевым навыком для будущих специалистов, работающих в поликультурной среде. Поэтому уже на ранних этапах изучения иностранного языка студентам необходимо предоставить возможность погружения в другую культуру и развития их межкультурного понимания.

Социально ориентированное лингвистическое образование направлено на подготовку студентов к будущей профессиональной деятельности в многонациональной среде. В рамках такого образования студенты учатся не только языковым навыкам, но и развивают свою способность к адаптации и взаимодействию с представителями разных культур. Это помогает им стать более открытыми и гибкими в общении с людьми из разных стран и культур.

Важным аспектом личностно ориентированного подхода является активное участие студентов в учебном процессе. Они становятся центральными фигурами в образовательной среде, а преподаватель выступает в роли наставника и партнера. Студенты имеют возможность самостоятельно исследовать темы, вырабатывать свои собственные взгляды и идеи, а также применять полученные знания на практике. Это помогает им развивать свою самостоятельность, критическое мышление и творческий потенциал.

Внедрение личностно ориентированного подхода в образовательные программы требует соответствующей методической подготовки преподавателей. Они должны быть готовыми к созданию стимулирующей образовательной среды, в которой студенты могут развиваться и реализовывать свои потенциальные возможности. Преподаватели также должны уметь эффективно оценивать личностный рост студентов, а не только их академические достижения.

Таким образом, личностно ориентированный подход в образовании играет важную роль в развитии студентов как личностей. Он способствует их саморазвитию, самопознанию и самореализации, а также развивает их межкультурную компетенцию. Внедрение такого подхода требует соответствующей подготовки преподавателей и создания подходящей образовательной среды, где студенты могут свободно выражать свои идеи и развиваться в соответствии со своими потребностями.

В современной педагогике выделяются основные тенденции обучения иностранному языку на основе личностно ориентированного подхода:

1. Личность рассматривается как производная от общественных потребностей, ее интересы должны быть подчинены интересам развития общества.

2. Преобладание личностно ориентированной направленности в образовании: личность – это ядро, центр, на котором должно быть сосредоточено образование, а общество скорее вторично и конструируется индивидами.

3. Третья тенденция основана на интегративном подходе: образование, конечно, направлено на воспитание успешной личности, но сам процесс образования не должен происходить в отрыве от социальных запросов и общественных потребностей. И в этом заключается гармония: общество задает ценностные и профессиональные ориентиры в подготовке специалистов и всесторонне развитых личностей, а личность, реализуя свой потенциал, способствует гармоничному развитию общества и передаче всего накопленного опыта и знаний на благо общества, народа и государства [8, с. 93].

В современном образовании все большее внимание уделяется личностно ориентированному подходу в обучении иностранным языкам, а также выбору современных технологий обучения. Постепенно учебные методики, которые не способствуют коммуникативности, уступают место новым подходам. Например, теперь всё чаще используется групповая работа над различными текстами, что позволяет каждому студенту выполнять свои функции: это может быть чтение текста вслух, выделение незнакомых слов, поиск их значения в словаре, перевод сложных предложений и т. д. Такая форма работы готовит студентов к реальному общению, позволяет обмениваться информацией с другими группами, делиться оценочными суждениями о прочитанном или услышанном.

Проектная методика также играет важную роль в изучении иностранного языка. Она ориентирована на практическое применение языка и позволяет студентам использовать свои языковые навыки в различных ситуациях. Проекты, основанные на этой методике, учитывают индивидуальные потребности и возможности каждого учащегося, что способствует развитию его коммуникативных навыков и инициативы.

Исторический анализ развития личностно ориентированного обучения показывает, что ориентация на личность учащегося в педагогике существовала давно и продолжает развиваться и сегодня, трансформируя учебный процесс. Личностно ориентированный подход в обучении иностранному языку способствует самопознанию, саморазвитию и самореализации личности, а также формированию ее индивидуальности. Он предлагает новые формы

усвоения знаний, индивидуальный подход к каждому студенту и помогает воспитать независимую и развитую личность.

Таким образом, современные методики обучения иностранным языкам все больше ориентированы на развитие коммуникативных навыков и индивидуальности студентов. Групповая работа над текстами и проектная методика позволяют студентам активно участвовать в учебном процессе, развивать свои языковые навыки и самостоятельность. Личностно ориентированный подход является ключевым в обучении иностранным языкам и способствует формированию готовых к реальной коммуникации и саморазвитию личностей.

Перспективы дальнейших исследований мы видим в подробном изучении и анализе использования личностно ориентированного подхода в обучении будущих преподавателей иностранного языка; в более детальном рассмотрении методов обучения на базе основных тенденций данного подхода в современной педагогике.

Список литературы

1. **Гершунский, Б. С.** Философия образования для XXI века : учеб. пособие для самообразования / Б. С. Гершунский. – М. : Пед. об-во России, 2002. – 128 с.
2. **Джуринский, А. Н.** История педагогики : учеб. пособие для студентов педвузов / А. Н. Джуринский. – М. : ВЛАДОС, 2000. – 432 с.
3. **Загвязинский, В. И.** Методология и методика дидактического исследования : учеб. пособие для вузов / В. И. Загвязинский. – М. : Педагогика, 1982. – 160 с.
4. **Зимняя, И. А.** Педагогическая психология : учеб. для вузов / И. А. Зимняя. – М. : Феникс, 2002. – 88 с.
5. **Капустин, Н. К.** Педагогические технологии адаптивной школы : учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений / Н. К. Капустин. – М. : Академия, 2001. – 124 с.
6. **Лернер, И. Я.** Проблемное обучение : пособие для учителей / И. Я. Лернер. – М. : Знание, 1974. – 64 с.
7. **Панюкова, С. В.** Концепция реализации личностно ориентированного обучения при использовании информационных и коммуникационных технологий : учеб. пособие для вузов / С. В. Панюкова. – М. : Изд-во ИОСО РАО, 1998. – 120 с.
8. **Селевко, Г. К.** Современные образовательные технологии : учеб. пособие для пед. вузов и ин-тов повышения квалификации / Г. К. Селевко. – М. : Сентябрь, 1998. – 256 с.

**Kharchenko L. I.,
Kolesnikova L. A.**

Historical and Conceptual Analysis of the Formation of a Personality-oriented Approach to Teaching Future Foreign Language Teachers

The article is devoted to the historical and conceptual analysis of the formation of the person-centered approach in different historical periods. The question of using the person-centered approach in the process of training future foreign language teachers is considered. The authors refer to the origins of human culture and the foundations of humanistic pedagogy.

Key words: *person-centered approach, historical and conceptual analysis, philosophical and pedagogical idea, humanistic pedagogy.*

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК 811.581'255.4'373.7

Каткова Виктория Павловна,
канд. пед. наук, доцент,
и.о. заведующего кафедрой теории
и практики перевода и общего языкознания
ФГБОУ ВО «ДонГТУ»
katkova_lugansk@mail.ru

К вопросу перевода китайских фразеологизмов чэньюй (成语 [chéngyǔ]): сопоставительный аспект

Статья посвящена рассмотрению особенностей перевода чэньюй на русский, английский и немецкий языки. На основании сопоставительного анализа выделены основные аспекты, которые оказывают влияние на процесс перевода данных лексических единиц. С целью расширения базы исследования в статье приводятся примеры репрезентации чэньюй на русском, английском и немецком языках, что дает возможность сопоставить языковые картины мира и определить степень влияния национально-культурной специфики на процесс перевода.

Ключевые слова: фразеологическая единица, китайская идиома или чэньюй 成语 [chéngyǔ], культурный компонент чэньюй, лингвистический комплекс.

На современном этапе развития лингвистики китайского языка вопрос о структурно-семантических и стилистических особенностях китайской фразеологии стоит достаточно остро. Причинами возрастающего интереса к китайской фразеологии являются:

– расширение экономических и, соответственно, культурных связей с Китаем, углубление в историю, национальную специфику и культуру страны (происходит погружение носителей русского языка в китайскую культуру, не только с точки зрения туристического контекста, но и языковой картины мира);

– фразеология, выступая достаточно широким пластом специфических единиц, является своеобразным зеркалом, отражающим культуру, историю и самобытность любого народа, и китайское лингвокультурное сообщество не исключение.

Принимая во внимание указанные тенденции, а также понимая важность исследования особенностей влияния фразеологических единиц китайского языка на другие мировые языки, основной целью статьи является анализ и определение степени влияния национально-культурной специфики на процесс перевода китайских фразеологических единиц. Помимо поставленной цели исследования в работе предпринимается попытка сопоставительного анализа переводов китайских чэньюй на русский, английский и немецкий языки.

Прежде, чем обращаться к особенностям перевода фразеологических единиц, обозначим, что большинство лингвистов рассматривают данное

явление как единое лингвистическое целое, в состав которого входят номинативные и служебные части речи. В результате образования новых семантических связей внутри такого лингвистического единства часть составляющих утрачивает первичное значение и приобретает вторичную номинацию. Как следствие, общий семантический объем фразеологической единицы изменяется. Совокупность лингвистических характеристик такой единицы обеспечивает ей монолитность, экспрессивность и образность. В функциональном аспекте такие единицы являются единым целым и рассматриваются в контексте любого дискурса как средства выразительности. В зависимости от семантических и синтаксических связей внутри фразеологической единицы, данные лексические единицы принято подразделять на фразеологические сращения (идиомы), фразеологические единства, фразеологические сочетания и фразеологические выражения (пословицы и поговорки) [1, с. 78].

Если такая классификация, которая была предложена В. В. Виноградовым, является достаточно корректной для английского, немецкого и русского языков, что, по сути, вполне обосновано (все три языка имеют сходные модели установления синтаксических и семантических связей), то для китайских фразеологических единиц такой подход неприемлем.

Опираясь на работы Ма Гофан (Ma Guofan), Цзян Сюньцзе (Jiang Xunze), Линь Цзююань (Линь Цзююань), Чжан Линянь (Zhang Linyan), следует констатировать, что фразеологические единицы китайского языка – это своеобразный лингвистический комплекс, смысл которого определяется ядерным иероглифом, характеризующимся символическим или сакральным значением.

В китайской лингвистике представлено достаточное количество классификаций фразеологических единиц. Основами таких классификаций выступают тематическая направленность фразеологизма, семантический компонент значения, структурные характеристики. В рамках исследования обратимся к наиболее многочисленной группе – чэньюй.

Согласно работе китайского лингвиста Ма Гофан (Ma Guofan), чэньюй 成语 [chéngyǔ] – это «...устойчивое фразеологическое словосочетание, построенное согласно нормам древнекитайского языка вэньян». В структурном плане чэньюй состоит из четырех иероглифов. Чэньюй характеризуются семантической целостностью, обобщенным значением и являются средствами выразительности. Ма Гофан (Ma Guofan) подразделяет чэньюй на две большие группы: чэньюй непараллельной конструкции и чэньюй параллельной конструкции, в которых, в отличие от чэньюй первой группы, допускается использование служебных слов [2, с. 190].

Определив основные особенности китайских чэньюй, обратимся к их анализу и выявим основные аспекты, которые оказывают влияние на процесс репрезентации чэньюй на русском, английском и немецком языках.

Рассмотрим такой пример:

一马当先 [yī mǎ dāng xiān]

Проанализируем структурные особенности чэньюй. Первый компонент – [yī], что соответствует русскоязычному числительному *один*; второй иероглиф – 马 [mǎ], что соответствует русскому слову *лошадь*. Два остальных иероглифа – это, по сути, служебные слова, если опираться на морфологический состав русского языка: *когда* (当) и *сначала* (先), что указывает на

параллельную конструкцию чэньюй, которая предполагает использование в его структуре служебных слов. В результате проведенного анализа приходим к выводу, что центр данной фразеологической единицы составляет числительное 一 [yī] и существительное 马 [mǎ]. Обозначим, что в китайской лингвокультуре иероглиф 马 [mǎ] является символом способностей, таланта и мудрости, в сочетании с числительным 一 [yī], выражение приобретает смысл *первый и мудрейший*.

Далее обратим внимание на фразеологические единицы английского и немецкого языков, которые имеют схожие семантические характеристики. Так, в английском языке были найдены такие полные и частичные (в семантическом плане) эквиваленты, как: *to lead, to head, to be in charge of smth.* Указанные глаголы по структурным характеристикам более соответствуют категории фразовых глаголов английского языка, при этом характеризуются нейтральностью и отсутствием эмоционально-оценочного компонента, что не полностью соответствует семантике исходного чэньюй.

В немецком языке представлен только глагол *führen*, который только частично отображает смысл рассматриваемого чэньюй. Однако, если подробнее рассмотреть данный глагол, то отмечаем производное слово – *Führer*, которое по своей семантике обладает более сильным семантическим значением – *вождь, лидер, Фюрер*. При этом последнее значение более ассоциируется с нацистской Германией.

Что касается перевода анализируемого чэньюй на русский язык, то были найдены такие полные и частичные эквиваленты, как: *быть первым, быть во главе чего-либо, возглавлять*. При переводе данного чэньюй исходим из понимания семантики *головы* или *главы*, однако каких-либо сакральных смыслов не наблюдается. Кроме того, если переводить исходный китайский чэньюй на русский язык с учетом языковой картины мира носителя русского языка, то вариант будет следующим: *когда лошадь первая*, что по семантическому значению более приближено к русскому разговорному варианту *работать как лошадь* или к знаменитой цитате из произведения Ю. Резник «Чемодан»: *Больше всех в колхозе работала лошадь, но председателем она так и не стала!*

Рассмотрим еще один чэньюй и проанализируем особенности его репрезентации на русский, английский и немецкий языки:

一千二净 [yī gān èr jìng]

Рассмотрим составляющие данного чэньюй. Его основа – прилагательное 净 [jìng] – чистый, вспомогательными компонентами выступают два числительных: 一 [yī] и 二 [èr] и глагол, указывающий на действие 干 [gān]. Дословно данное выражение на русском языке звучит как *делать что-либо чистым*, при этом числительные, которые являются структурными элементами, реализуют сакральный смысл чэньюй – *полнейшая чистота, что-то вычищенное до блеска или уничтоженное без следа*. Иногда данный чэньюй используется для обозначения *человека, который забыл напроць обо всем*.

Принимая во внимание культурную составляющую анализируемого чэньюй, приходим к выводу, что семантически равным вариантом перевода является *девятственно чистый*, что отсылает нас в русском языке к непорочности и чистоте, тогда как в китайском языке представляется нумерологический смысл.

Обратим внимание на перевод данного чэньюй на немецкий язык: *Besenrein*. Если в русском языке возможно передать данный чэньюй с помощью семантически равного эквивалента, то в немецком языке такой возможности нет, и вариантом исходной идиомы выступает составной глагол *besenreisen*, в основе которого существительное *der Besen* – метла. Дословно такой глагол может быть передан как *вымести дочиста метлой*, что не в полной мере соответствует исходному китайскому чэньюй, поскольку содержит указание на инструмент, с помощью которого достигается чистота.

Рассматривая варианты перевода чэньюй на английский язык, приходим к выводу, что равнозначного с семантической точки зрения варианта не представлено. На английский язык исходный чэньюй может быть передан с помощью нейтрального прилагательного *clean*, или же оно может быть усилено наречиями *clean completely* или *clean till something is speckless / is spotless*. Однако, если принимать во внимание национально-культурную специфику исходного китайского чэньюй, то с точки зрения семантического компонента наиболее близким по значению является глагол *to vanish*.

Интерес представляет и процесс репрезентации такого чэньюй, как
四分五裂 [*sifēn wǔliè*]

Рассмотрим подробнее структуру представленного чэньюй. В данном чэньюй представлены два числительных: 四 [*sì*] – четыре и 五 [*wǔ*] – пять, существительное 分 [*fēn*] – минута и глагол 裂 [*liè*] – раздирать, раскалывать. Чтобы понять семантический смысл представленного чэньюй обратимся к его первоисточнику. Данный чэньюй впервые встречается в древнем китайском произведении «Чжаньго цэ» (战国策 [*Zhàn Guó Cè*] Стратегии сражающихся царств), дословно он обозначает *разделенный на четыре и разбитый на пять*. На русский язык данный чэньюй может быть передан как *быть разбитым, раздробленным, полный разброд*. Помимо указанных нейтральных словосочетаний, в русском языке представлен и полный семантический эквивалент данного чэньюй: *трещать по швам*. Как в русском, так и в китайском языках, данное выражение характеризуется нейтральностью и используется практически в любом контексте, не зависимо от речевой ситуации или дискурса.

Обращаясь к культурной составляющей рассматриваемого чэньюй, находим и различия в языковой картине мира носителей русского и китайского языка. В китайском чэньюй сакральный смысл приобретают числа, тогда как в русском варианте основу составляет *шистая ткань*, точнее *шов*, который под влиянием определенных нагрузок начинает рваться.

Далее обратим внимание на перевод чэньюй на английский и немецкий языки: *aus allen Nähten platzen* и *be going to pieces* соответственно. В отличие от исходного китайского варианта в русском, английском и немецком языках основа идиом *шов* (*die Naht, seam*).

Сопоставляя культурную составляющую четырех вариантов чэньюй, отмечаем, что в китайском языке данный чэньюй связывался с расколом государства, тогда как в русском языке данная идиома приближена к эмоционально-оценочным высказываниям и используется для отображения отношения человека к происходящим событиям. В немецком языке выражение *aus allen Nähten platzen* указывает на приближение краха, при этом культурный

контекст основывается на физиологическом процессе, а именно – если человек располнел, то одежда трещит на нем по швам.

В английском языке данная идиома представлена устоявшимися выражениями с глаголом-связкой *to be*, который указывает на пассивность действия: *be going to pieces; be cracking at the joints; be shaken to the core*. Рассматривая структуру представленных словосочетаний, обозначим, что их основа – это глагол, который указывает на разрушающие действия и существительное – номинация степени разрушения.

Итак, исходя из проведенного сопоставительного анализа, следует сделать ряд выводов и предположений:

– в рамках статьи под чэньюй понимается устоявшееся или готовое выражение, которое характеризуется неделимостью компонентов, в составе которого представлены как полнозначные части речи, так и служебные, при этом общая численность иероглифов в составе чэньюй не превышает четырех. Согласно проведенному анализу, иероглифы, которые входят в состав чэньюй, характеризуются символическим значением, что является причиной приобретения дополнительных смыслов всем чэньюй;

– культурологический компонент, который отвечает за отображение языковой картины мира, оказывает значительный эффект на восприятие и репрезентацию чэньюй в русском, английском и немецком языках. При их переводе подбирается эквивалентное в семантическом плане выражение, которое полностью или частично отображает исходный смысл.

Полагаем, что перспективами дальнейшего исследования китайских чэньюй является расширение семантических групп таких лингвистических комплексов, группировка этих комплексов в единый концепт и выявление алгоритма их передачи на русский, английский и немецкий языки.

Список литературы

1. **Виноградов, В. В.** Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1977. – 312 с.
2. 马国凡 成语 / 马国凡. – 呼和浩特 : 内蒙古人民出版社, 1978. – 343 页.

Katkova V. P.

Toward the Issue of Translation of Chinese Chengyu Phraseologisms (成语 [chéngyǔ]): a Comparative Aspect

The article dwells upon the features of Chinese phraseology chéngyǔ. The aim of the article is to look at the process of chéngyǔ translation through the prism of Russian, English and German variants. The article is built on the comparative analysis, with the help of which the author highlights the main tendencies that influence the process of translating chéngyǔ. Moreover, the comparative analysis makes it possible to determine the influence degree of national and cultural specifics on the translation process of chéngyǔ.

Key words: *phraseological unit, chenyu, cultural component of chenyu, linguistic complex.*

Фомина Светлана Борисовна,
канд. филол. наук, доцент
кафедры теории и практики
перевода и общего языкознания
ФГБОУ ВО «ДонГТУ»
sbfomina@gmail.com

Языковые особенности и способы перевода антропонимов в текстах СМИ

В статье анализируются лексико-семантические характеристики антропонимов в текстах СМИ, особенности и способы передачи их значений на русский язык. Текст СМИ рассмотрен как сфера функционирования прецедентных антропонимов, описаны их семантические и структурные характеристики, выявлена специфика составляющих конститuentов, обоснованы способы перевода. Очерчена проблема адекватности передачи значений прецедентных антропонимов как универсальной функционально-семантической категории. Проанализированы способы передачи значений антропонимов с английского на русский язык.

Ключевые слова: антропоним, семантика, лексика, прецедентное имя собственное, переводческая трансформация.

Средства массовой информации являются неотъемлемой частью социального развития человека, так как представляют собой интенсивно развивающуюся сторону речевой деятельности общества. По мнению многих ученых, наиболее сильное влияние на социум оказывают тексты СМИ, поскольку они направлены на создание определенного образа у читателя посредством информационного контента.

Функциональный потенциал имен собственных, а именно антропонимов, раскрывается в новостных текстах, так как любое имя собственное способно представить разнообразные сведения об одном и том же объекте номинации в зависимости от коммуникативной ситуации.

Антропонимы практически всегда имеют собственное значение; могут быть классифицированы по целому ряду признаков; требуют перевода в зависимости от исторического, этнографического, социального и литературного контекста.

Проблематика исследования связана с выявлением трудностей перевода, обусловленных отклонениями, имеющими место на лексическом уровне, а также ростом международных контактов, что приводит к тому, что все большее количество лингвистов обращаются к изучению круга вопросов, связанных с проблемой перевода антропонимов в текстах СМИ.

Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью изучения специфики перевода антропонимов с учетом передачи их формы и присущего им значения.

Объектом исследования является система прецедентных имен собственных в англоязычных текстах СМИ.

Предметом исследования – лингвистические особенности и способы передачи значений прецедентных имен собственных в англоязычных текстах СМИ.

Цель статьи – анализ лингвистических особенностей и определение способов передачи прецедентных антропонимов с английского на русский язык.

Научная новизна заключается в подтверждении влияния структурных и семантических особенностей имен собственных на выбор способа перевода и восприятие новостного текста.

Тексты СМИ, благодаря определенному подбору имен собственных, фактов и цитат, создают тот или иной образ или мнение у читателей, ведь главной целью таких текстов является привлечение внимания, предоставление информации, возможно влияние или моделирование мнения читателя об освещенных в новостях событиях.

Антропонимы обладают понятийным значением о классе объектов. Этому значению присущи, как правило, следующие признаки: указание на то, что носитель антропонима – человек; указание на принадлежность к национально-языковой общности; указание на пол человека [4, с. 39].

Имена можно разделить на две группы в зависимости от их функциональных особенностей, которые находят отображение в их внешней и внутренней формах. В первую войдут имена собственные, реально существующие. Имена этой группы служат нам посредством своего звучания [5, с. 5]. Во вторую группу входят имена, соединяющие в себе характеристики собственного и общего имени. Они выполняют в речи как назывательную, так и обозначающую функцию, так как они не только указывают на объект мысли, но и характеризуют его (порой с иронической или сатирической точки зрения). «Прецедентное имя – это своеобразный троп, равнозначный в определенной степени метафоре и сравнению, использованный в стилистических целях для характеристики персонажа или социального общества» [2, с. 162]. Прецедентные имена создаются, преследуют определенные цели с соблюдением существующих в ономастике моделей и правил.

Имена в текстах СМИ используются для передачи читателю определенного сообщения, что работает на двух уровнях коммуникации. Один из них – «текстовый уровень», второй уровень – «уровень между автором и читателем, – затекстовый уровень» [11, с. 58].

Потенциально прецедентное имя для его актуализации должно иметь внутреннюю форму или аллюзивность, либо своеобразную фонетическую форму, на основе которой можно построить комический эффект, сохранив вместе с тем отблеск его «уникальности», – отличие от возможного «общего синонима» [3, с. 291]. Это зачастую крылатые слова или компоненты крылатых выражений – имена популярных мифических, исторических, библейских, сказочных героев, персонажей общеизвестных книг и фильмов, а также множество имен с быстротекущей популярностью.

Так, в сочетаниях *Jack Frost* (Дед Мороз), *Jack the Ripper* (Джек-потрошитель), *Union Jack* (государственный флаг Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии), *Jack Horner* (самодовольный мальчик) используется одно и то же имя *Jack*, но содержание их разное. Эти

антропонимы относятся к культурно значимым именам, которые являются частью фоновых знаний носителей английского языка [1, с. 27].

Для проведения исследования были взяты 30 прецедентных антропонимов из электронных изданий 2020–2023 гг.

Рассмотрим семантику данных прецедентных антропонимов, включая производные некоторых из них: *Scrooge*, *Scroogenomics*, *Uncle Sam*, *Jekyll and Hyde*, *Tom, Dick and Harriet*, *Nosey Parker*, *Bob's your uncle*, *clever Dick*, *Big Bertha*, *Lucifer*, *Jesus Christ*, *Cain and Abel*, *Mexit*, *Megatrix*, *Croesus*, *Trumponomics*, *Bidenomics*, *Trumpism*, *Trumpist*, *Clintonism*, *Clintonist*, *Bidenism*, *the Bidenist*, *anti-Clinton*, *pro-Trump*, *Solomon's Knot*, *Lazarus*, *pre-Megxit*, *pre-Trump*, *Achilles' heel*.

Scrooge – значение имени Скрудж происходит от английского *scrooge* («скупой, скряга»; «брюзга, грубиян»). Имя Скрудж, имя «говорящее», употреблено в повести Ч. Диккенса «Рождественская песнь». Обратим внимание на производное от этого имени «*Scroogenomics*»: *The giving of gifts is not a suitable subject for economics, Mr Scrooge. ... economist, so much so that he later expanded his thesis into an entire book called Scroogenomics* [15] (...экономист, настолько увлекся, что позже он расширил свою диссертацию до целой книги под названием «Скруогеномика»).

Uncle Sam (Дядюшка Сэм) – имя «Дядюшка Сэм» стало именем нарицательным, считается, что выражение «Дядя Сэм» – шутливая формулировка сокращенного названия страны: *Uncle Sam – USA: Uncle Sam's army comes knocking for the Essex Boys* [13] (Армия дяди Сэма стучится к парням из Эссекса).

Jekyll and Hyde (Джекил и Хайд) подразумевает «синтез добра и зла», связь с героем повести Р. Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» (*Strange Case of Dr Jekyll and Mr Hyde*): *In his speech Obama wavered between a peaceful Dr. Jekyll and a rapacious Mr. Hyde* [6] (В своей речи Обама маневрировал между миролюбивым доктором Джекилом и ненасытным мистером Хайдом).

Имена *Tom, Dick and Harriet* подразумевают в английской культуре типичных представителей из простонародья, что-то вроде типичных англичан: *A postmodern gin palace catering for every Tom, Dick and Harriet* [9] (Постмодернистский дворец джина, удовлетворит первого встречного Тома, Дика и Харриет).

Nosey Parker (любопытная Варвара) фразеологизм и имя нарицательное: *Orwell to observe that "the most hateful of all names in an English ear is Nosey Parker* [12] (Оруэлл заметил, что «самое ненавистное из всех имен для английского уха – Носи Паркер»).

Bob's your uncle (идиома, обычно используемая в Британии и означает «это сделано, дело в шляпе»): *... regulation is put together in such an awkward manner that they don't have to. Bob's your uncle if you want to "tidy up" an old DC pension* [8] (... правила составлены так странно, что им и делать ничего не приходится. Дело в шляпе, если хочешь решить вопрос с пенсией в округе Колумбия). Имя Боб связано с именем британского чинуши, Альфреда Бальфур, 1887 г., причем как политик Бальфур был не особо хорош, однако Роберт Сесил (имя Роберт в сокращенно-домашнем варианте звучит как Боб), будучи его дядей и по совместительству премьер-министром Великобритании

и лордом Солсбери, вовремя похлопотал о нем. Отсюда и пошло язвительное замечание, мол, как же здорово, что твой дядя Боб поможет тебе в люди выбиться.

Clever Dick (фр., умник): *Here, Dick (Andy Rush) is a likeable beta male* (Здесь Дик (Энди Раш) – симпатичный бета-самец).

Big Bertha (крупная, тучная женщина): *Britain braced for flooding as Big Bertha heads our way* [7] (Британия готовится к наводнению, поскольку Большая Берта направляется к нам). Речь идет о тропическом урагане Берта, а использование идиомы позволяет представить его мощь.

Мифические и библейские образы также встречаются в новостных текстах: *Lucifer* (Люцифер), *Jesus Christ* (Иисус Христос), *Cain and Abel* (Каин и Авель), *Croesus* (Крез), *Lazarus* (Лазарь), *Achilles* (Ахиллес), *Solomon*:

Lucifer (Люцифер): *“Europe sweltering in the heatwave dubbed Lucifer Friday”* [16] (Европа изнемогает от жары, получившей название «Люцифер»). Библейский образ воплощает зло, обрушившееся на Европу.

Cain and Abel (Каин и Авель): *Well, I was going to say Cain and Abel, but maybe not. First there was the hoo-ha over whether Meghan...* [14] (Ну, я собирался сказать: «Каин и Авель», но, возможно, нет. Сначала была шумиха по поводу Меган). Речь идет о принце Гарри и его супруге Меган, имеющей влияние на него. Согласно Книге Бытия, Каин был первым в истории убийцей, Авель – первой жертвой убийства.

Мифические и библейские имена отсылают читателя прессы к ирреальным, но значимым образам:

Croesus (Крез) – имя нарицательное, последний царь Лидии из рода Мермнадов, слыл в античном мире баснословным богачом, его имя стало нарицательным: *Rich as Croesus but far less equal: why the wealth gap inequality keeps growing* [17] (Богат, как Крез, но гораздо менее равен: почему неравенство разрыва в уровне благосостояния продолжает расти).

Lazarus (Лазарь) – имя нарицательное, библейский герой Елеазар (буквально «Бог (мне) помог»). Согласно Евангелию от Иоанна, житель Вифании был воскрешен Иисусом через четыре дня после смерти: *Back from the dead like Lazarus, Trump rose from his hospital bed to declare Covid ‘a gift from God’ and now he’s set for true poll revival* [10] (Вернувшись из мертвых, как Лазарь, Трамп встал с больничной койки, чтобы объявить Ковид «подарком от Бога», и теперь он настроен на настоящие вызовы).

Фразеологизм *Solomon’s Knot* (узел Соломона) может представлять бессмертие и вечность.

Прецедентность имен собственных проявляется также в употреблении неологизмов-сокращений, отображающих англоязычную политическую картину мира: *Mexit* – (Meghan+Exit) – Мегзит, *Megatrix* (Meghan+Trix) – Мегатрикс. Отметим, что Мегатрикс – вымышленное фантазийное существо, созданное игровым персонажем Трикс. Данные неологизмы-аббревиатуры образованы способом блендинга. Отметим частотность следующих подобных сокращений: *Trumponomics* (*Trump+economics*), *Bidenomics* (*Biden+economics*).

Другой особенностью имен собственных в англоязычных публикациях является употребление неологизмов, образованных с помощью продуктивных суффиксов, например: *-ism, -ist*: *Trumpism* (трампизм), *Trumpist* (трампист – тот кто поддерживает Трампа), *Clintonism* (клинтонизм), *Clintonist* (клинтонист), *Bidenism* (байденизм), *the Bidenist*.

Также можно встретить следующие производные с использованием префикса *pro-* и *pre-* (*anti-Clinton and pro-Trump, pre-Megxit, pre-Trump*).

Каждое имя собственное при переводе требует индивидуального подхода, из-за этого и возникает одна из серьёзных переводческих проблем.

Общепринятыми способами передачи имён собственных с английского языка на русский считаются: транслитерация, транскрипция, калькирование, введение функционального аналога, принцип родо-видовой замены, семантический перевод, поиск эквивалента, смешанный перевод. Это связано не только с тем, что при переводе данные трансформации доставляют меньше всего проблем, но и с тем, что в языковом контексте русского языка калькирование или попытка адаптации прецедентного имени может привести к нелепости.

Транскрибированием переведены следующие антропимы (11 ЛЕ – 36%): *Scrooge* (Скрудж), *Jekyll and Hyde* (Джекил и Хайд), *Tom, Dick and Harriet* (Том, Дик и Харриет), *Cain and Abel* (Каин и Авель), *Megxit (Meghan)+(Exit)* (Мегзит), *Trumpism* (трампизм), *Trumpist* (трампист), *Clintonism* (клинтонизм), *Clintonist* (клинтолист), *Bidenism* (байденизм), *the Bidenist* (байденист).

Транслитерацией переведены следующие антропимы (2 ЛЕ – 7%): *Lucifer* (Люцифер), *Megatrix* (Мегатрикс).

Калькированием переведен следующий антропим (1 ЛЕ – 3%): *Big Bertha* (Большая Берта).

Способ введения функционального аналога (3 ЛЕ – 10%). Данный способ перевода используется для трансформации имён собственных, зачастую фразеологизмов, с целью обличения их в форму, знакомую русскому читателю: *Nosey Parker* (Любопытная Варвара), *Bob's your uncle* (дело в шляпе), *clever Dick* (умница).

Способом транспозиции (антропимы, различающиеся по форме, имеют общее лингвистическое происхождение, а значит, имеют общепринятые соответствия) переведены 3 ЛЕ – 10%: *Jesus Christ* (Иисус Христос), *Croesus* (Крез), *Lazarus* (Лазарь).

Смешанным способом перевода считают сочетание транскрипции и транслитерации с калькированием и зачастую применяют в тех случаях, когда в состав названия входит значимое слово (10 ЛЕ – 34%): *Scroogenomics* (скругеномика) – транскрипция + транслитерация, *Uncle Sam* (Дядюшка Сэм) – калькирование + транскрипция, *Trumpnomics* (трапномика) – транскрипция + транслитерация, *Bidenomics* (байденомика) – транскрипция + транслитерация, *anti-Clinton* (антиклинтолист) – калькирование + транскрипция, *pro-Trump* (протрампист) – калькирование + транскрипция, *Solomon's Knot* (узел Соломона) – транскрипция + калькирование+ перестановка, *pre-Megxit* (все, что до Мегзит) – конкретизация + транскрипция, *pre-Trump* (все, что до Трампа) – конкретизация + транскрипция, *Achilles' heel* (Ахиллесова пята) – транскрипция + калькирование + перестановка.

Итак, анализ способов передачи значений антропимов показал, что транскрибирование (30 ЛЕ) составляет 55%, транслитерация (6 ЛЕ) – 11%, смешанный перевод (12 ЛЕ) – 22%, аналоговый перевод (3 ЛЕ) – 5%, транспозиция (3 ЛЕ) – 5%, калькирование (1 ЛЕ) – 2%.

Выбор способа перевода играет важную роль в процессе передачи значения лексической единицы с одного языка на другой. Однако если речь

идет о переводе имен собственных, перед переводчиком встает сложнейшая задача – передать имя максимально точным образом.

Таким образом, анализ показал, что прецедентные имена собственные чаще всего как характеризуют упомянутых в тексте персон, так и позволяют читателю спроецировать текст в целом, именно поэтому зачастую оба компонента бывают семантически значимы. Анализ способов передачи значений антропонимов показал, что транскрибирование и транслитерация наиболее частотны.

Список литературы

1. **Будаев, Э. В.** Прецедентные имена в СМИ : методики исследования / Э. В. Будаев // Политическая лингвистика. – 2021. – № 3(87). – С. 22–36.
2. **Виноградов, В. С.** Лексические вопросы перевода художественной прозы / В. С. Виноградов. – М. : Изд-во МГУ, 1978. – 172 с.
3. **Влахов, С. И.** Непереводаемость в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – М. : Р. Валент, 2006. – 448 с.
4. **Суперанская, А. В.** Структура имени собственного. Фонология и морфология / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1969. – 206 с.
5. **Суперанская, А. В.** Имя через века и страны / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1967. – 192 с.
6. **De Seno, T.** Obama's Jekyll and Hyde Nobel Speech / Tommy De Seno. – Text : electronic // Fox News : [website]. – URL: <https://www.foxnews.com/opinion/obamas-jekyll-and-hyde-nobel-speech> (date of application: 15.01.2023).
7. **Dubuis, A.** Britain braced for flooding as Big Bertha heads our way / A. Dubuis. – Text : electronic // The Times : [website]. – URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/britain-braced-for-flooding-as-big-bertha-heads-our-way-573lwzn2jzb> (date of application: 29.08.2023).
8. **Dunne, E.** Multiple pensions? Why combining your nest eggs can pay off / E. Dunne. – Text : electronic // The Times : [website]. – URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/multiple-pensions-why-combining-your-nest-eggs-can-pay-off-87rhrlvh6> (date of application: 01.09.2023).
9. **Dylan, J.** Every Tom, Dick and Harriet's debauched gin palace of choice / J. Dylan. – Text : electronic // The Times : [website]. – URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/every-tom-dick-and-harriets-debauched-gin-palace-of-choice-8pzfdh0lhww> (date of application: 02.09.2023).
10. **Leach, J.** Back from the dead like Lazarus, Trump rose from his hospital bed to declare Covid 'a gift from God' and now he's set for true poll revival / Jimmy Leach. – Text : electronic // The Sun : [website]. – URL: <https://www.thesun.co.uk/uncategorized/12888000/donald-trump-lazarus-rose-from-hospital-bed/> (date of application: 05.09.2023).
11. **Marmaridou, S.** What's so Proper about Names? A Study in Categorisation and Cognitive Semantics / Sophia Marmaridou // Parousia Journal Monograph Series. – Athens, 1991. – Vol. 15. – P. 88.
12. **Marriott, J.** Shrinking middle class is a looming crisis Wednesday / James Marriott. – Text : electronic // The Times : [website]. – URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/shrinking-middle-class-is-a-looming-crisis-k8hbn96pv> (date of application: 01.09.2023).
13. **Meddings, S.** Uncle Sam's army comes knocking for the Essex Boys / S. Meddings. – Text : electronic // The Times : [website]. – URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/uncle-sams-army-comes-knocking-for-the-essex-boys-123456789>

- thetimes.co.uk/article/uncle-sams-army-comes-knocking-for-the-essex-boys-bk6gjdhp7 (date of application: 04.09.2023).
14. **Rose, H.** Is William and Harry's rivalry really thawing? / Hilary Rose. – Text : electronic // The Times : [website]. – URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/is-william-and-harrys-rivalry-really-thawing-smx72jspr> (date of application: 29.08.2023).
 15. **Wallop, H.** The giving of gifts is not a suitable subject for economics, Mr Scrooge / Harry Wallop. – Text : electronic // The Times : [website]. – URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/the-giving-of-gifts-is-not-a-suitable-subject-for-economics-mr-scrooge-8sj9kp29h> (date of application: 28.08.2023).
 16. **Webb, J.** Biden's battle with his party is just beginning / Justin Webb. – Text : electronic // The Times : [website]. – URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/bidens-real-battle-will-be-with-the-left-wing-of-his-own-party-93tt2s882> (date of application: 02.09.2023).
 17. **Whipple, T.** Rich as Croesus but far less equal: why the wealth gap inequality keeps growing / T. Whipple. – Text : electronic // The Times : [website]. – URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/rich-as-croesus-but-far-less-equal-why-the-wealth-gap-inequality-keeps-growing-zn26t2t7n> (date of application: 08.09.2023).

Fomina S. B.

Linguistic Features and Ways of Translating Anthroponyms in Media Texts

The article devotes to the lexical and semantic characteristics of anthroponyms in mass media texts, the features and ways of transferring their meanings into Russian. The text of the media is observed as a sphere of functioning of precedent anthroponyms, so their semantic and structural characteristics are described, the specificity of anthroponym constituents is revealed, and the methods of transferring the meanings are substantiated. The problem of the adequacy of translation of precedent anthroponyms as a universal functional-semantic category is outlined. The ways of transferring the meanings of anthroponyms from English into Russian are analyzed.

Key words: anthroponym, semantics, vocabulary, precedent proper name, translation transformation.

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

УДК [070.448: 004.738.5]:81'42

Дроздова Алена Васильевна,
канд. наук по соц. коммуникациям,
доцент кафедры журналистики и
издательского дела
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
dilena_23@list.ru

«Нескучные новости»: о тактиках информирования в эпоху глобального военно-политического противостояния

В статье выделены тактики информирования, используемые в рубрике «Нескучные новости от Игоря Левитаса» русской газеты Донбасса «Новороссия». Сделан вывод о том, что в условиях информационного и военно-политического противоборства структура новости видоизменяется: факультативные структуры новости реализуют прагматическую функцию – не дополняют информационный ряд, а воздействуют на массовое сознание, формируя оценочное отношение к образу врага и представление о происходящем как карнавале и абсурдности.

Ключевые слова: *новость, русская газета Донбасса «Новороссия», прагматическая суперструктура.*

Анализ новостей как дискурса и структуру новости подробно описал авторитетный лингвист Т. ван Дейк. По его мнению, создание новости является процессом, синтезирующим социальные и когнитивные стратегии и акты. Так, для производства и понимания новости субъекты массовой коммуникации задействуют большое количество общих социальных репрезентаций, в том числе отдельных убеждений, а также идеологических установок. Опора на дискурсивную природу новости дала возможность Т. ван Дейку обобщить ее глобальные структуры (макроявления дискурса новостей) – темы и суперструктурные схемы. Релевантность и новизна сообщения, их когнитивная и коммуникативная направленность организованы структурными категориями – краткого содержания, главного события, фона, других подкатегорий (заголовка, эпизода, комментариев) [2].

Т. С. Дроняева, исследователь современного корпуса новостей, дополняет: «Информационный подстиль СМИ отражает бесчисленное количество ситуаций внешнего мира, однако он тематически ограничен несколькими критериями: социальной значимостью передаваемой информации; общественным интересом к ней; этическими и эстетическими нормами, принятыми в данном обществе относительно публично обсуждаемых тем; избирательностью печатного органа или автора» [3, с. 496]. К структурно-содержательным частям газетного новостного текста исследователь относит ядерную (констатация основного факта), конвенциональную (обозначение

времени, места и источника информации); комментирующую (все, что расширяет или оценивает ядерную часть сообщения).

А. А. Негрышев, продолжая исследование макроструктур новостного дискурса, акцентирует внимание на категории достоверности – актуализированной лингвопрагматической характеристике современного медиатекста: «Чем больше в тексте способов заполнения макротекстовых позиций, приближенных к области максимальной референциальной плотности, тем больше такой текст тяготеет к типу концентрированного референциального фокуса и тем более он “достоин веры, доверия” реципиента. И напротив, чем активнее в новостной текст “вторгаются” элементы аналитического, развлекательного, рекламного и других планов, тем больше тяготеет к диффузии и референциальный фокус, т. е. достоверность текста как фактографического констатирующего сообщения снижается» [1].

Таким образом, формат новости видоизменяется. Внимание на рынке информации начинают обеспечивать те структуры новости, которые, во-первых, нарушают ее жанрообразующие свойства, а во-вторых, лишают ее качеств достоверности, объективности.

Объектом нашего внимания стали *Нескучные новости от Игоря Левитаса*, публикуемые на страницах русской газеты Донбасса «Новороссия». Предмет – актуализированные контекстом информационного противоборства суперструктуры новости в предложенной к изучению газете.

Заглавные элементы рубрики указывают на публицистический характер новости, ее интерпретацию и авторскую оценку, разрушают стереотип восприятия новости как, прежде всего, лаконичного и беспристрастного сообщения. Подача новостей выстроена по принципу нумерованного списка, очевидно, с целью представить события одной проблематики как множество системных (преимущественно для западного мира – авт.) явлений. Каждая из подобранных двенадцати новостей имеет однообразное графическое и композиционное оформление: собственно новость отделена от авторского комментария-оценки абзацем и способом шрифтового написания.

Информационный повод для новости – заявления, сообщения, мнения, комментарии политических деятелей (преимущественно, стран Североатлантического альянса), обнародование петиций на официальных сайтах украинских и западных чиновников. К примеру: *Министр обороны Великобритании Бен Уоллес на полях саммита НАТО в Вильнюсе заявил, что Украине стоит быть более благодарной за помощь, которую Запад предоставляет стране; Начальник следственного управления нацполиции в Харьковской области заявил, что его ведомство вносит в базу Интерпола соотечественников, переехавших в Евросоюз, а уехавших в ЕС украинцев назвал предателями; Спикер воздушных сил ВСУ Юрий Игнат прокомментировал работу ПВО и ее последствия, нередко выражающиеся в падении обломков на жилые районы. По словам Игната, ВСУ не могут сбивать ракеты и беспилотники вдали от городов, потому что средств ПВО не хватает* (Новороссия. – № 29 (462) от 20.07.2023). Ядерная часть новости дополняется компетентным источником либо косвенной ссылкой на источник.

Комментирующая часть новости подчинена стратегии демонстрации абсурдности действий противоборствующей стороны в плане принятия политических решений и их медийной репрезентации. Модусам абсурда

подчинены, в основном, риторические структуры авторских комментариев, ср.: *Это ж какого размера должны быть мозги, чувство чести и гордости, если Япония, единственная страна, пострадавшая от атомной бомбардировки, хочет разместить у себя атомное оружие. Одного раза было недостаточно?;* или след.: *Видимо, ранение в голову не пошло ему (Залужному – авт.) на пользу;* или след.: *О какой благодарности он (Бен Уоллес – авт.) говорит? (там же).* Разоблачение врага осуществляется за счет нанизывания семантических единиц, обыгрывающих проблему интеллектуальной способности здраво мыслить, например, в авторском ироничном утверждении: *Конечно, после того, как остатки мозгов выбьют, самое время становиться президентом страны 404 (там же).* В новости о том, как немецкое издание «Welt» опубликовало материал о работе инструкторов из Германии, предлагающих *просто объезжать минные поля*, свой комментарий колумнист начинает ироничным прецедентным феноменом – трансформированной пословицей, где лексема поле обретает новое контекстуальное значение: *Умный в поле не пойдет, умный поле обойдет (там же).*

Авторская оценка в комментирующей части новости выражается с помощью диалогизации речи, в которой ответная реакция Игоря Левитаса на новость, как правило, репрезентативна и декларативна, ср.: *1. Своего у вас ничего нет и не будет. 2. Партнеров у вас нет, а есть только хозяева. 3. Без западного оружия вы представляете собой лишь банду гопоты (там же).* Магистральные средства прагматики в комментирующей части новости – это агрессивная лексика, «язык вражды» (по Ю. В. Щербининой): *Зеленский представляет Запад в виде Санта-Клауса; Шуты, боксеры, пора бы и кухарку наметить в президенты; Поэтому, согласен, назвать человека украинцем – это оскорбление; Несколько миллионов предателей. Верной дорогой идете, нетоварищи (там же).*

«Многосредие» новости формирует насыщенная система иллюстрирования: карикатуры, портретные фотографии и фотомонтаж коррелируют с визуальной концепцией номера. Когда в публикациях речь идет о знаковых общественно-политических событиях в Украине, содержание новости дополняется цветной иллюстрацией: так карикатурный образ украинского президента «кочует» по разным рубрикам в окружении ближайших политических «соратников», представленных с главой государства в ситуациях игры (вместе с Усиком и Кличко играет в самого умного), проказничества (пишет на стене: *Столтенберг лох*) и попрошайничества (танцует на столе в национальном костюме перед главами западных государств, в ответ ему бросают деньги). Фотомонтаж, как правило, используется в качестве готового кода для прочтения скрытого смысла публикации. Так, изображение портрета Петра Порошенко в образе свиньи частично креолизовано с новостью: *Ученые из США приступили к генетическим экспериментам, конечной целью которых является создание гибридов человека и свиньи, сообщил телеканал Fox News.*

Ну, теперь понятно, что американцам на Украине надо. Взять генетический материал для опытов. Только вот беда – на Украине такие опыты уже давно вышли в массовое производство. Счет идет на миллионы (там же).

Таким образом, структура новости продолжает видоизменяться, в условиях информационного и военно-политического противоборства

факультативные структуры новости реализуют прагматическую функцию – не дополняют информационный ряд, а воздействуют на массовое сознание, формируя оценочное отношение к образу врага и представление о происходящем как карнавале и абсурдности.

Список литературы

1. **Негрышев, А. А.** Достоверность новостного медиатекста: опыт макроструктурного анализа / А. А. Негрышев // Медиалингвистика. – 2021. – Т. 8, № 1. – С. 4–22.
2. **Ван Дейк, Т. А.** Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – М. : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
3. **Язык средств массовой информации** / под ред. М. Н. Володиной. – М. : Акад. Проект : Альма Матер, 2008. – 760 с.

Drozdova A. V.

«Not boring news»: on information tactics in the era of global military-political confrontation

The article highlights the tactics of informing used in the section «Boring news from Igor Levitas» of the Russian newspaper of Donbass «Novorossiya». It is concluded that in the conditions of informational and military-political confrontation, the structure of the news will change: optional news structures realize a pragmatic function – they do not complement the information series, but affect the mass consciousness, forming an evaluative attitude to the image of the enemy and the idea of what is happening as a carnival and absurdity.

Key words: news, the russian newspaper of Donbass «Novorossiya», pragmatic superstructure.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондаренко Кристина Александровна, старший преподаватель кафедры английской и восточной филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Дволучанская Виктория Александровна, доцент кафедры английской и восточной филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат педагогических наук, г. Луганск, ЛНР

Дворцова Александра Николаевна, старший преподаватель кафедры английской и восточной филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Дорофеева Власта Станиславовна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Дроздова Алена Васильевна, доцент кафедры журналистики и издательского дела ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат наук по социальным коммуникациям, г. Луганск, ЛНР

Зайцева Анна Юрьевна, преподаватель кафедры теории и практики перевода ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Каткова Виктория Павловна, и. о. заведующего кафедрой теории и практики перевода и общего языкознания ФГБОУ ВО «ДонГТУ», кандидат педагогических наук, доцент, г. Алчевск, ЛНР

Колесникова Лилия Александровна, студент 2 курса магистратуры Института филологии и социальных коммуникаций, направление подготовки «Лингвистика. Лингводидактика и межкультурное образование (английский язык)» ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Коробко Кристина Вячеславовна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Манекина Елена Александровна, студент 2 курса магистратуры Института филологии и социальных коммуникаций, направление подготовки «Филология. Зарубежная филология. Английский язык» ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Некрутенко Елена Борисовна, доцент кафедры теории и практики перевода ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат педагогических наук, г. Луганск, ЛНР

Нехаева Екатерина Алексеевна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Новикова Анна Анатольевна, заведующий кафедрой английской и восточной филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат филологических наук, доцент, г. Луганск, ЛНР

Пантыкина Наталья Игоревна, доцент кафедры английской и восточной филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат педагогических наук, г. Луганск, ЛНР

Петрова Инна Михайловна, профессор кафедры английского языка и лингводидактики Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет», доктор филологических наук, доцент, г. Москва

Фомина Светлана Борисовна, доцент кафедры теории и практики перевода и общего языкознания ФГБОУ ВО «ДонГТУ», кандидат филологических наук, г. Алчевск, ЛНР

Харченко Лариса Ивановна, заведующий кафедрой теории и практики перевода ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат педагогических наук, доцент, г. Луганск, ЛНР

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Сборник научных трудов «Вестник Луганского государственного педагогического университета» (Свидетельство № ПИ 000196 от 22 июня 2021 г.) основан в 2015 г.

Учредитель и издатель сборника – ФГБОУ ВО «ЛГПУ».

Научный сборник является периодическим печатным научным рецензируемым изданием, имеющим сериальную структуру. На страницах сборника публикуются научные работы, освещающие актуальные проблемы отраслей знания и относящиеся к отдельным группам научных специальностей. С 2016 г. издаются серии: «Педагогические науки. Образование», «Физическое воспитание и спорт», «Филологические науки. Медиакommunikации», «Биология. Медицина. Химия», «Гуманитарные науки. Технические науки».

Редакция сборника публикует научные работы, отвечающие правилам оформления статей и других авторских материалов, принятых в издании.

Авторские рукописи, подаваемые для публикации в выпусках серий, должны соответствовать их научному направлению и отличаться высокой степенью научной новизны.

Материалы могут подаваться на русском языке. Допускается публикация на английском языке. В таком случае авторы должны предоставлять развернутую русскоязычную аннотацию (до 2 тыс. знаков). Статьи публикуются на языке оригинала.

Публикация научных материалов осуществляется при условии предоставления авторами следующих документов:

1. Авторская заявка/согласие на публикацию авторских материалов.
2. Текст научной статьи (научного обзора, научного сообщения, открытой научной рецензии, публикация по материалам научных событий, информация об отечественных и зарубежных научных школах, персоналиях), соответствующий тематике серии сборника.
3. Рецензия на статью, подготовленную аспирантом или соискателем ученой степени кандидата наук, подписанная научным руководителем или заведующим кафедрой, на которой выполняется диссертационное исследование. Рецензия должна объективно оценивать научную статью и содержать всесторонний анализ ее научных достоинств и недостатков.

Заявка и научная статья или другие авторские материалы направляются в редакцию серии в электронном виде. Электронный вариант статьи представляется вложением в электронное письмо. Авторская заявка с подписью автора(-ов), рецензия на статью подаются в отсканированном виде. Названия предоставляемых файлов должны соответствовать фамилии автора(-ов) и названию документов.

Рукописи статей проходят процедуру макетирования. Все элементы статьи должны быть доступны для технического редактирования и отвечать техническими требованиями, принятым в издании.

Материал для опубликования предоставляется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется в текстовом формате, полностью совместимом с Word 97-2003. Рукопись должна иметь ограниченный объем 7–12 страниц машинописного текста (0,3–0,5 авторского листа; 12–20 тыс. печатных знаков с пробелами) включая аннотацию, иллюстративный и графический материал, список литературы.

Формат страницы А4; книжная ориентация; поля: левое 3 см, верхнее 2 см, правое 1,5 см, нижнее 2 см; гарнитура Times New Roman; цвет текста – черный; размер шрифта 14 кегль; интервал 1,5; выравнивание по ширине текста. Абзац выделяется красной строкой, отступ 1,25. Текст печатается без переносов, соблюдается постановка знаков дефиса (-) и тире (–), а также типографских кавычек (« »), в случае использования двойных кавычек внешними являются кавычки (« ») «елочки», внутренними – („“) «лапки»).

Выравнивание отступа с помощью табуляции и пропусков не допускается. Уплотнение интервалов, набор заголовка в режиме Caps Lock, использование макросов и стилевых оформлений Microsoft Word запрещено.

В тексте статьи ссылки нумеруются в квадратных скобках, где первый номер указывает на источник в списке литературы, последующие – на страницы источника или другие источники, в таком случае номера источников отбиваются знаком (;). Например, [3, с. 65]; [4; 7; 9]; [2, т. 3, с. 41–44]; [1, с. 65; 3, с. 341–351]. Размещение в тексте прямых цитат без сносок не допускается. Сноски вниз страницы не выносятся.

При написании фамилий и инициалов используется следующее правило: инициалы печатаются через точку без пробела, инициалы от фамилии отбиваются неразрывным пробелом (Ctrl + Shift + «пробел»). Например, М. А. Крутовой. Согласно стилю оформления научной публикации предпочтительнее сначала указывать инициалы ученого, а затем его фамилию.

В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте должна иметься ссылка на конкретный рисунок, например, (Рис. 2). Каждый рисунок следует создавать в отдельном файле, а затем вставлять в статью с помощью функции «вставка» с обтеканием текстом. Не допускается выход рисунков за границы текста на поля. Все рисунки должны обеспечивать простое масштабирование с сохранением взаимного расположения всех элементов и внутренних

надписей. Не допускается составление рисунка из разрозненных элементов. Запрещены рисунки, имеющие залитые цветом области.

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунков следует сохранять в форматах jpg, tif.

Каждую таблицу необходимо снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы следует предоставлять в текстовом редакторе Microsoft Word, располагать в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи необходимо давать ссылку на конкретную таблицу, например, (Табл. 2). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. В таблицах допускается использование меньшего кегля, но не менее 10.

Текст научной статьи должен иметь следующую структуру:

1. Индекс УДК (универсальной десятичной классификации публикуемых материалов) выставляется без абзаца.

2. Фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, звание, должность автора(-ов), название учебного заведения или научной организации, в которой выполняется диссертационное исследование, электронный адрес автора(-ов).

3. Заголовок статьи. Заголовок должен быть информативным и содержать только общепринятые сокращения; набираться строчными буквами жирным шрифтом, без разбиения слов переносами, с выравниванием по центру строки, без абзацного отступа, без точки в конце.

4. Аннотация. Описывает цели и задачи проводимого исследования, а также возможности его практического применения. Аннотация на русском языке помещается в начале статьи, на английском – в конце. Аннотация должна быть написана от третьего лица и содержать фамилию и инициалы автора(-ов), заголовок статьи, ее краткую характеристику. Рекомендуемый объем аннотации 3–4 предложения; 40–60 слов; 500 знаков. Англоязычная аннотация должна выполняться на профессиональном английском языке.

5. Ключевые слова (5–7 слов / словосочетаний, определяющих предметную область научной статьи) на русском языке (располагаются после аннотации на русском языке) и английском (размещаются после аннотации на английском языке). В перечне ключевых слов должны быть представлены общенаучные или профильные термины, упорядоченные от наиболее общих к более конкретным.

6. Вводная часть статьи, постановка проблемы, цель статьи, представление новизны излагаемых в статье материалов.

7. Данные о методике проводимого исследования.

8. Экспериментальная часть, анализ, обобщение, описание и объяснение полученных данных. По объему – занимает центральное место в статье.

9. Выводы и рекомендации, перспективы развития поставленной проблемы.

10. Список литературы, представленный в алфавитном порядке в виде нумерованного списка. В статье рекомендуется использовать не более 10 литературных источников. Заголовок «Список литературы» набирается строчными буквами, с выравниванием по центру строки, без абзацного отступа, без точки в конце и ниже с выравниванием по ширине приводится пристатейный нумерованный список литературы. Фамилии и инициалы авторов набираются полужирным шрифтом, библиографическое описание источника обычным.

Каждый новый структурный элемент статьи не нужно нумеровать, выделять, называть. Изложение материала статьи должно быть последовательным, логически завершенным, с четкими формулировками, исключая двойное толкование или неправильное понимание информации. Оформление текста должно соответствовать литературным нормам, быть лаконичным, тщательно выверенным.

К публикации принимаются научные статьи, выполненные в строгом соответствии с техническими требованиями к оформлению статей и других авторских материалов. Текстовые принципы построения научной статьи могут варьироваться в зависимости от тематики и особенностей проводимого исследования. Материалы, не отвечающие основным предъявляемым требованиям, к рассмотрению не принимаются. Рукописи статей, сопроводительные документы как опубликованных, так и отклоненных авторских материалов авторам не возвращаются.

Авторы научных статей несут всю полноту ответственности за достоверность сведений, авторскую принадлежность представленного материала, точность цитирования и ссылок на официальные документы и другие источники, приведенные инициальные сокращения.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора присланных материалов, их рецензирования и редактирования без изменения научного содержания авторского варианта. Принятые к публикации научные статьи включаются в очередной номер журнала в порядке поступления.

Редакция не принимает к публикации статьи, опубликованные ранее в других изданиях. Публикация статьи в сборнике не исключает

ее последующего переиздания, однако, в таком случае необходимо приводить ссылку на «Вестник Луганского государственного педагогического университета» как на первоисточник.

После выхода в свет печатной версии научного сборника, его полнотекстовые электронные копии размещаются в базе данных Научной библиотеки, а также на официальном сайте Луганского государственного педагогического университета в формате pdf. Электронные материалы могут копироваться по электронным сетям и распечатываться авторами для индивидуального пользования с указанием выходных данных сборника.

Согласие автора на публикацию статьи, данное в заявке, рассматривается и принимается редакцией сборника как его согласие на размещение предоставленных авторских материалов в свободном электронном доступе.

В заявке авторы должны подать следующую информацию:

1	Полное название статьи	
	<i>Заполняется каждым автором</i>	
	ФИО (полностью)	
2	Учёная степень, звание	
3	Название организации (вуз, кафедра, лаборатория, отдел), которую представляет автор (в именительном падеже), должность	
4	Страна, город	
5	Контактный номер телефона	
6	Почтовый адрес, индекс	
7	Адрес электронной почты	
8	Авторское согласие на печать и размещение рукописи в электронных базах свободного доступа	Подпись автора

*Редакция Вестника
Луганского государственного
педагогического университета*

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

Коллектив авторов

ВЕСТНИК

**ЛУГАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Серия 3

Филологические науки. Медиакommunikации

Сборник научных трудов

Главный редактор – **Л. Н. Синельникова**

Редактор серии – **А. А. Новикова**

Выпускающий редактор – **Г. Г. Калинина**

Корректор – **О. И. Письменская**

Компьютерная верстка – **Т. А. Ковалева**

Подписано в печать 07.11.2023. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Печать ризографическая. Формат 70×100 1/16. Усл. печ. л. 7,48.

Тираж 19 экз. Заказ № 95.

Издатель
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
«Книга»

ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 291011. Тел. : (0642)58-03-20

e-mail: knitaizd@mail.ru